

ЭЛЬНУР ЮСУФОВ

СОЛНЕЧНЫЙ РУБЕЖ

БИНОМ

18+

Эльнур Юсуфов
Солнечный рубеж. Бином

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Юсуфов Э. Ю.

Солнечный рубеж. Бином / Э. Ю. Юсуфов — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

К концу XXI века человечество предпримет вторую попытку колонизировать красную планету. Следуя к месту крушения первой миссии, астронавты раскроют одну из тайн земной цивилизации.

© Юсуфов Э. Ю., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1. Гая	5
2. Маринер	21
3. Бегство	32
4. Экскурсовод	35
5. Враг человечества	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

*Матерям посвящается
В их тени наш дом*

1. Гая

Лучи заходящей звезды переливались на её чёрно-сапфировых волосах тонкими струнами шёлка. Чёрные как ночь глаза и кожа цвета светлой карамели выдавали её восточные корни. Она стояла у панорамного окна и неотрывно глядела на дисплей. Попытка совладать с волнением давалась ей с трудом, и камера, дрожавшая в её руках, не могла сфокусироваться на звезде, ускользающей к горизонту.

За спиной раздался чей-то кашель: от неожиданности она вздрогнула.

– Добрый вечер, мисс Хогарт, – послышался хриплый голос.

В проходе отсека стоял темноволосый мужчина лет тридцати. Его призрачный силуэт, облачённый в тёмно-синий комбинезон, был едва различим в полумраке стен. Но по дребезжащему голосу, напоминавшему гул двигателя, она узнала в нем Турала.

– Здравствуйте. Я только хотела... – растерянно попыталась оправдаться она.

– Знаю, – перебил он, подходя ближе. – Извините, если напугал вас. Я сегодня дежурный, заметил, как вы покидаете станцию. Подумал – вдруг вам это понадобится, – и приподнял руку, в которой держал универсальный штатив от лазерного нивелира.

Мая смущённо хлопала ресницами, пока он пытался закрепить камеру на штативе; после долгих манипуляций ему это удалось. Включив стабилизатор изображения на камере, он уступил операторское место ей.

– Если хотите, можно увеличить прозрачность панели, – предложил он, потянувшись к сенсорной поверхности стекла с настройками панорамного окна.

– Да, наверное, – сдержанно кивнула она.

Через несколько секунд в отсеке стало заметно светлей, и их взору открылась чарующая картина. Вдоль ущелья между скал к горизонту медленно спускалась звезда класса **G**.

Первым молчание прервал он:

– Красиво, почти как на Земле. Скучаете по дому?

– Немного, – не отрывая взгляд от дисплея, ответила она.

– В детстве я думал, что небо здесь бывает только оранжевым, – сказал он, но она его прервала:

– Смотрите, начинается!

Вдали под пурпурными небесами на дно ущелья, походившего на пасть мифического чудовища, скатывалась красно-розовая звезда по имени Солнце. А над верхней частью диска, в отличие от привычного жёлто-оранжевого фона, небо сияло ореолом сине-голубых оттенков.

Боясь вскрикнуть от волнения, она, зажав уста ладонью, замороженно наблюдала, и спустя минуту дрожащим голосом произнесла:

– Насколько я знаю, мы первые люди, наблюдающие это атмосферное явление своими глазами. Первой экспедиции так и не удалось застать закат на голубом небосводе: им мешала горная гряда, и они видели только восходы.

– Да, нас опередили разве что марсоходы, – вставил он. – Кстати, через несколько солов¹ будет затмение. Фобос² пройдёт по центру солнечного диска. Если не начнётся пылевая буря, то со станции будет хорошо видно. Придётся посмотреть?

– С удовольствием, – засияли её глаза. – А точнее когда?

– Кажется... – задумался он, почесав подбородок. – Я уточню время и отправлю уведомление на ваш ком³.

– Не знала, что вы астрофизик, я думала, вы физик... – Она запнулась, подбирая слово.

– Термоядерщик, – вздохнул Турал. – И, тем не менее, первая книга, за которую я заплатил, была о комете. Я слышал разговоры экипажа об этом закате, – продолжил он. – Они ходили сюда всю неделю, пытаясь застать закат на горизонте. Но Солнце, каждый раз, упрямо дразня их, пряталось за скалы. Не думал, что они пропустят это зрелище.

– Сейчас у всех много работы, – задумчиво сказала Майя. – Большинство заняты благоустройством станции, другие готовят отчёты для отправки на Землю. Я тоже отправлю утром эту запись, а моя подруга Айла выложит в Сеть. Вы, наверное, знаете, завтра последний сол связи с ISOC⁴.

– Да, в курсе, – кивнул он. – Связь с Землёй уже несколько солов идёт с искажениями. Ретрансляционный спутник связи обиделся на оператора и не вышел на заданную орбиту. Скоро Земля полностью уйдёт за солнечный диск, и связи не будет несколько солов.

Вслед за ушедшей за горизонт звездой третьего поколения поблёкли и рыже-золотые пески, покрывавшие долину каньона Капри.

Они находились на восточной окраине гигантского разлома, шириною в четверть окружности планеты, сформированного в результате сдвигов тектонических плит. Разлом долин Маринер являлся визитной карточкой планеты. Для одних он выглядел с Земли как огромный шрам, отпечатанный на лице планеты, для других просто – перекошенный смайлик.

Он снял камеру со штатива и передал ей. Уходя, она бросила на него сдержанный, но полный очарования взгляд, едва слышно прошептав:

– Спасибо большое!

Кивнув в ответ, он сложил колченогий штатив и последовал за ней. Покинув отсек, они направились по лабиринту проходов космического корабля «Сяма»⁵. Спустившись по лестнице, они вышли через вспомогательный шлюз корабля, и оказались в тоннеле, ведущем к станции «Гая»⁶, построенной на поверхности планеты.

¹ Сол – марсианские солнечные сутки, продолжительность которых равна 24 часам, 39 минутам, 35,244 секундам. Также солом называют марсианский день.

² Фобос – один из двух спутников Марса.

³ Ком (разг.) – портативный коммуникатор.

⁴ International Space Operations Centre, ISOC – международный центр управления космическими полётами.

⁵ Сяма (азерб.) – Небо.

⁶ Гая (азерб.) – Скала.

Миновав переходной шлюз, за которым находился тоннель-ответвление, ведущий на поверхность, он спросил:

– Мисс Хогарт, вы были одной из последних, кто переселился с корабля на станцию. Как вы устроились, не очень тесно?

– Нет, комната уютная, и моя соседка Изабелла, очень милая.

– Изабелла Миллер? – удивлённо поднял он брови.

– Да, Миллер. Она говорила, что вы родственники, – добавила она, переступив порог шлюза, отделявшего тоннель от верхнего уровня станции.

– Она племянница нашей невестки, – констатировал он. – У нас тут вроде семейного подряда: Изабелла, я и мой кузен.

Дойдя до лестницы, ведущей вниз к жилому уровню станции, она обернулась, озабоченно сказав:

– Я так торопилась, что забыла получить разрешение у начальника станции.

– Не волнуйся, Майя, проблем не будет, – заверил он, ещё раз взглянув в её глаза.

– Спасибо! – развернувшись, она спустилась по лестнице и скрылась за порогом шлюза в глубине станции.

Проводив её взглядом, он побрёл в другой конец здания возвращать штатив на склад строительного оборудования.

Верхний уровень станции занимал площадь в четверть гектара и выполнял функцию купола, защищающего от метеоритов и радиации, а заодно и гаража для роверов и строительной техники. Здесь находилось всё, что осталось после строительства станции, начиная с мини-экскаваторов, кранов, грузовых электромобилей, бетономешалок, прессовочных аппаратов, 3D – строительных принтеров и заканчивая компактным оборудованием для производства композитных труб и арматур. Многие из этого было доставлено на красную планету на беспилотном грузовом корабле незадолго до прибытия людей.

Ещё до начала миссии перед проектировщиками была поставлена задача, использовать при строительстве станции стройматериалы, добытые и произведённые на красной планете. За исключением таких мелочей, как картон, шлюзы, освещение и тому подобное, они с этой задачей справились.

Когда Турал вернулся в командный пункт станции, его помощник по дежурству, слегка полноватый Ален, сидел перед монитором камер слежения. Вальяжно вытянув ноги и откинувшись на спинку пластикового кресла, он листал на планшете учебник высокомолекулярных соединений.

– Всё в порядке? – отрывая взгляд от планшета, поинтересовался Ален.

– Всё в норме, – бросил Турал, располагаясь в соседнем кресле.

– Это ведь была она, врач-американка? Ты ей объяснил, что покидать станцию без санкции начальника запрещено? Мы обязаны занести этот случай в журнал дежурств, – начал сокрушаться Ален.

– Успокойся, Ален, – сказал Турал. – Представь, что тебя здесь не было, и ты ничего не видел, так как я освободил тебя до утра, и сейчас ты отдыхаешь в своей койке.

– Серьёзно? – нервно заёрзал Ален, глаза его сверкнули как гирлянды. – Это что, было свидание?

Турал отрицательно качнул головой.

– Отлично, я вернусь до завтрака, – выдал Ален, вылетая из командного пункта. – Если что, вызывай с кома.

Настенные часы показывали четверть первого ночи. Из-за разницы в скорости вращения планет местный час длился на полторы минуты дольше земного. Турал составлял план работ на завтра. Должность старшего инженера станции вынуждала его заниматься техническими проблемами даже на дежурстве.

Но в данный момент его мысли были о ней. Всплывая на краю сознания, они не желали уходить. Доктор Майя Хогарт держалась со всеми скромно и учтиво, стараясь не выделяться среди сотрудников станции, но невольно приковывала к себе внимание. Загадочный блеск её глаз источал чистоту, уже редко встречающуюся среди её сверстниц. С первой встречи в центре подготовки астронавтов она его очаровала. Эта неприметная девушка невысокого роста с кротким взглядом и нежными чертами лица ему упорно кого-то напоминала. Но ни знакомые, ни его бывшие, не были на неё похожи. Из ста сорока семи членов международной экспедиции, обосновавшихся на станции, более шестидесяти являлись представительницами слабого пола младше тридцати лет. Но всё равно заводить какие-либо серьёзные отношения с кем-либо из них он не спешил. Несколько раз он пытался наладить с ней общение, но по непонятным ему причинам она его общества избегала, подтверждая свой неофициальный ник, данный ей мужской половиной экспедиции, – доктор Айсберг. И до сегодняшнего вечера дальних приветствий их разговор никогда не заходил. Ещё три года назад, тусуясь на вечеринках студенческого городка, он и предположить не мог, что окажется здесь, по ту сторону Солнца, в четырёхстах миллионах километров от дома. От этого путешествия он, скорее всего, отказался бы, если бы не обещание, данное им.

В раздумьях он не заметил, как на экране монитора мелькнули две фигуры, приближающиеся к командному пункту. В дверь раздался глухой стук.

– Открыто, – крикнул он, и дверь открылась.

В помещение вошёл командир корабля и по совместительству начальник станции капитан ВМС Роберт Росс. Это был высокий брюнет с лёгкой проседью и суровым взглядом. За ним внутрь проследовал начальник строительно-монтажной бригады Зураб Биланишвили. Бывший военный строитель, имеющий за плечами опыт возведения бункеров и жилых зданий в условиях вечной мерзлоты, Зураб слыл легендарной личностью среди своих коллег. На большинство членов экспедиции этот тучный человек с мясистым лицом и глубоко посаженными глазами производил впечатление дружелюбного и простодушного весельчака, но на стройплощадке для своих подчинённых он превращался в дотошного тирана-прораба.

– Добрый вечер, – поднимаясь с кресла, поздоровался инженер.

– Добрый, – коротко бросил Роберт.

– Как дела, сынок? – пожав руку Туралу, на русском языке спросил Зураб.

– Спасибо, как обычно. В Багдаде всё спокойно! – также на русском ответил инженер.

Капитан шутку не оценил; разобрав только слово «Багдад», ставшее синонимом перманентной ссылки американских войск в ближневосточных конфликтах и приняв эти слова за насмешку над Вооружёнными силами Соединённых штатов, он угрюмо на них покосился.

Уловив обескураженный взгляд капитана, Зураб, уже смеясь, на ломаном английском объяснил:

– Успокойся, Роберт, эти слова из старого фильма, и к тебе отношения не имеют.

– Садитесь, – чувствуя неловкость, предложил Турал.

Они расположились на надувном диване, где обычно отдыхал один из дежурных. Первым заговорил Роберт:

– Ты один, без напарника?

– Я отправил его выспаться. Завтра много дел, придётся оставить его одного.

– Что запланировал?

– Калибровку импульсного генератора в токамаке⁷ и профилактические работы вне станции, если, конечно, вы разрешите.

– А какие дела остались за пределами станции?

⁷ Токамак – тороидальная установка для магнитного удержания плазмы с целью достижения условий, необходимых для протекания управляемого термоядерного синтеза.

– Вода в резервуар плохо качается. Нужно проверить систему выпаривания льда в скважине под грунтом.

– Хорошо, – одобрил Роберт, – но сначала нужно решить один вопрос. На завтра намечен завершающий этап строительства станции. К следующему вечеру строительная бригада Зураба должна демонтировать надувной ангар, укрывавший станцию во время строительства. Хотя станцию я уже принял к эксплуатации, начальник строительной бригады, – он кивнул в сторону Зураба, – настоял на финальном тестировании и предложил проверить герметичность станции на предмет утечки газов.

– Мы посоветовались и решили, что ты можешь нам помочь, – подытожил Зураб.

– Без проблем, хотя на станции есть специалисты, лучше меня знающие, как тестировать на герметичность, – ответил Турал, но всё же предложил: – Для начала мы можем инициировать аварийную герметизацию двух верхних уровней. Система вентиляции сможет поднять давление контрольного газа до ста двадцати килопаскаль, на большее она не способна. Затем выровняем давление в надувном ангаре с поверхностью и распахнём внешние шлюзы, через полчаса начнём искать утечки анализатором газа по периметру станции.

– Лучшего варианта и быть не могло! – воскликнул Зураб.

– Хорошо, надеюсь, станция не лопнет от вашего энтузиазма! – с иронией бросил капитан. – Когда сможете приступить к тесту?

– С утра, – ответил инженер. И, уловив подтверждающий взгляд Зураба, добавил:

– Часов в девять.

Попрощавшись, они покинули помещение командного пункта, и ушли к лестнице, ведущей вглубь станции. Турал включил кофеварку, решив побаловать себя капучино. Отложив планирование завтрашних дел, он развлекал себя складыванием фигур из бумаги, на Земле именуемым «оригами».

* * *

Утренний ветер неспешно забрасывал мерцающую пыль под своды надувного ангара. Припаркованная вряд техника, задействованная для демонтажных работ, безмолвно ожидала своего часа. Турал стоял у распахнутых ворот и терпеливо ждал. Он был облачён в пневмокостюм, плотно обтягивающий его тело и защищающий от радиации и разреженной атмосферы. Пневмокостюм состоял из нескольких слоёв биополимера-аэрогеля и твёрдых композитных материалов из антистатика.

Ожидая завершения теста перед началом разборки ангара, Турал созерцал, по его мнению, венец извращённой инженерной мысли.

Возведённый под серебристым надувным куполом научно-исследовательский комплекс был построен из синтетического бетона, кремнезёма, гипса, базальта, глины и других доступных материалов. Серое одноэтажное здание с небольшой надстройкой на крыше и высоким, похожим на средневековые ворота шлюзом в центре, своими очертаниями отдалённо напоминало мавзолей. Наивно было бы полагать, что бригаде из тридцати четырёх строителей, экипированных в пневмокостюмы, удалось бы построить станцию в короткий срок в экстремальных климатических условиях. Сначала под открытым небом ледяной пустыни они собрали пневмокаркасное сооружение, фундамент которого был герметично засыпан грунтом. Надувной ангар был обеспечен термоизоляцией и пассивной радиационной защитой, снаружи укрыт от микрометеоритов и пылевых вихрей экранной термоизоляцией, а внутри для отражения тепла и света, покрыт напылением тонкого слоя алюминия. Система климат-контроля поддерживала плотность, влажность, температуру и состав воздуха, максимально комфортные для работы людей. Здесь же, на территории стройплощадки, было налажено производство строительных материалов из местного сырья. На случай непредвиденной разгерметизации ангара строители

имели при себе кислородные маски с небольшими баллонами. Также на стройплощадке был установлен аварийный переходной шлюз, состоящий из трёх последовательно соединённых между собой отсеков и формирующий собой часть тоннеля, ведущего к станции и кораблю за пределами ангара.

Но видимая на поверхности часть станции была всего лишь верхушкой айсберга, скрывавшего под грунтом вечной мерзлоты, пять уровней подземного бункера, построенного на дне глубокого кратера. Научно-исследовательская станция, возведённая менее чем за земной год, стала новым домом для ста сорока семи членов международной экспедиции, состоящей из строительной бригады, членов экипажа корабля «Сяма» и девяти научных групп исследователей. Станция была оснащена по последнему слову техники и среди своих обитателей получила название «Гая-сити». Под её сводами были укрыты научные лаборатории, жилые помещения, столовая, спортзал, бассейн, склады, мастерские, продовольственная теплица, ферма для аквапоники⁸ и многое другое.

Терпеливо блуждая взглядом, инженер суетился у ворот ангара, затем услышал в эфире знакомый голос:

– Всё чисто, утечек гелия не обнаружено, мы спускаемся.

На крыше станции показались две фигуры в пневмокостюмах. Они вышли из-за надстройки, служившей помещением для радиоаппаратуры и систем жизнеобеспечения, и приблизились к краю крыши. Один из них выбил в сторону Турала футбольный мяч, которым строители иногда играли в марсианский футбол с элементами акробатики. Отскочив от поверхности, мяч срикошетил об створку ворот ангара и подкатился к его ногам. Турал сердито пнул мяч, отправив под колёса грузовика.

Первым к краю крыши подошёл Мустафа Доган, инженер-строитель и заместитель Зураба. За ним последовал первый пилот и бортиженер корабля Эмин Асланов.

Высокий, атлетически сложенный смуглый парень с кавказскими чертами лица, Эмин приходился Туралу двоюродным братом. И в противоположность своему медлительному кузену, обладая импульсивной энергией и сноровкой, довольно часто помогал тому в работе.

Пока Мустафа по лестнице спускался с крыши, Эмин сиганул с семиметровой высоты. Пролетев над головой Мустафы, он, как мартовский кот, приземлился на четвереньки.

– Я так понял, тебя на волю выпускать опасно, – хрипло взревел в эфире Турал.

– Я решил размять ноги, – учащённо дыша, оправдался Эмин. – Помнишь, как в школе мы убегали с уроков через разбитое окно туалета на втором этаже?

– На первом... В моё время разбитое окно было на первом, – ответил Турал; он на три весны был старше своего кузена.

– Акио, ты здесь? – спросил Турал.

– Здесь я, здесь, – послышался хриплый дискант инженера Акио, находившегося в командном пункте.

– Мы закончили, – сказал Турал. – Тест на герметичность подтвердил отсутствие утечек гелия. Начинай выравнивать давление.

После недолгой паузы послышался голос Зураба:

– Спасибо, ребята!

– И вам спасибо за качественную работу, – ответил Турал и обратился к своему помощнику по дежурству:

– Ален, мы с Эмином едем на скважину, вернёмся к обеду.

– Вас понял, до встречи.

⁸ Аквапоника – высокотехнологичный способ ведения сельского хозяйства, сочетающий Аква культуру (выращивание водных животных) и гидропонику (выращивание растений без грунта).

Эмин быстрыми шагами добрался до ворот ангара и сел в двухместный планетоход, напоминавший гольф-кар с большими колёсами и задним ящиком для инструментов вместо багажника для ключей.

Турал, ожидавший его за рулём, надавив на педаль акселератора, недовольно процедил:

– Ну как, ноги размял? Пора и мозги размять.

Эмин молча кивнул, и они въехали в шлюзовые ворота. Выбравшись под оранжевое небо на дорогу, утрамбованную грузовиками, они объехали пустые контейнеры для строительной техники, доставленные беспилотным грузовым кораблём, и помчались по марсианской прерии мимо глиняного карьера к водяной скважине за холмами.

Завершив работы на скважине, они к обеду вернулись на станцию, застав самый разгар демонтажных работ. К этому времени Зураб и его тридцать три богатыря уже отсоединили от ангара системы нагнетания давления и климат контроля, отцепили натянутые тросы, поддерживающие ангар при порывистом ветре, разобрали два шлюза и принялись откапывать фундамент.

Припарковав планетоход у вспомогательного шлюза, мужчины вошли внутрь станции. Спускаясь по лестнице в жилой комплекс, Эмин, обернувшись, спросил:

– Хочу записать родителям сообщение. Они успеют ответить?

– Не думаю, – задумчиво бросил Турал. – Из-за солнечной активности связь уже нестабильна, к тому же дома сейчас ночь. Если даже сообщение дойдёт, то с временным лагом в двадцать две минуты. Пока ты клеился к Алико, я успел вчера обменяться с ними сообщениями. Ты от матери ничего не получал? Она сказала, что отправила.

– Я пока не смотрел.

– Кажется, она тебе невесту присмотрела из родственников бабушки. Говорит, когда Эмин вернётся, сразу его женим! – иронично бросил Турал.

Эмин сразу сник, поблёк, уныло опустив голову. Турал, наблюдая терзания кузена, не стал его долго мучить и, ухмыляясь, хлопнул его по шее:

– Ладно, не бойся, я пошутил! Ты ей не сказал, что с Алико встречаешься? Мать была бы рада узнать, что ты нашёл девушку из хорошей семьи.

– Да, но сначала надо с её отцом разобраться. Ты же знаешь его вспыльчивый характер. К тому же, с каких пор ты стал таким правильным? Было время, в студенческом кампусе ты целый гарем держал! Или это был не ты?

– Я с валиками⁹ завязал – приоритеты пересмотрел, да и возраст уже не тот.

Переодевшись, затем записав и отправив домой видеоролик, они направились в столовую. После обеда Турал ушёл спать в свою комнату, а Эмин спустился в теплицу. Минут через сорок Турала разбудил мелодичный сигнал коммуникатора. Первой мыслью было...

Сработал, чёртов мудильник! Но почему так рано?

Затем, сообразив, что мелодия была другой, инженер потянулся к кому. Это было короткое сообщение от кузена.

«Нужна твоя помощь. Жду на ферме. Быстро»

Минут через десять не совсем пробудившийся инженер спустился в теплицу и застал уморительную мизансцену. Цепляясь ногой за кабель, протянутый под потолком, Эмин висел вниз головой над опрокинутой лестницей. А младшая дочь Зураба, светлица выпускница аграрного университета Алико, со своими двумя коллегами придерживали Эмина за голову

⁹ Валики (разг.) – девицы лёгкого поведения.

и спину, пытаясь ему помочь. После недолгой возни и посильной помощи кузена Эмин был успешно спущен на пол.

Помогая ему подняться на ноги, Турал прокомментировал:

– **Deyasən qızlar, səni öz torlarına saldılar.**¹⁰

Эмин, ухмыляясь, помотал головой.

– Просто электрики напутали с подключением освещения в разных секторах, я хотел переделать.

– Какого... – вспыхнул Турал. – Твоё дело кораблём управлять, а не с лампочками играть. Нужно было их просто вызвать!

– Они на поверхности, заняты разборкой ангара и не скоро освободятся, – вступилась за него Алико.

– Проехали, – опустив глаза, вздохнул Турал и, обращаясь к Алико, сказал:

– Как говорит твой отец: «Нет более искреннего чувства, чем страсть к еде!», и только из уважения к томатным культурам, выращенным на кокосовом субстрате, а не на грунте, удобренном вулканическим пеплом и естественными отходами жизнедеятельности обитателей Гаясити, мы разберёмся с этой проблемой.

– Не волнуйся, в наших продуктах опасных патогенов нет, – заверила его Алико. – Мы за этим следим.

Через час возни с проводкой и коротким замыканием с взрывом фейерверка, сопровождавшимся трёхэтажным матом в адрес электриков, Эмин стоял у блока управления освещением, и объявил:

– Всё готово!

– Не забудь волшебные слова, – прокомментировал Турал.

– Да здравствует свет, – поддержала одна из сотрудниц теплицы, старшая дочь Зураба.

Эмин включил питание, и в секторах, освещая стеллажи с растениями, загорелись красными и синими огнями тысячи светодиодных ламп.

Алико поблагодарила их за устранение проблем с фитоосвещением, отметив, что теперь голодная смерть их экспедиции не грозит. Попрощавшись с женским коллективом теплицы, Турал поспешил ретироваться, дав надежду кузену конвертировать благодарность Алико в более осязаемую форму в менее людной обстановке.

* * *

Поздний вечер после сдачи смены Турал проводил в столовой со стаканом томатного сока. Несколько минутами ранее он попрощался с Виталием, инженером, с которым они весь вечер работали на реакторе.

За соседним столом после изнурительной работы ужинали строители. Несмотря на усталость, они были рады завершению многомесячного строительства до начала сезона глобальных пылевых бурь.

Проверяя почту на коммуникаторе, Турал обнаружил письмо от дяди, в нём был список имён тринадцати членов экспедиции. Его встревожил факт, что в списке значилось имя Майи Хогарт. Листая новостную подписку, он также обратил внимание на ссылку к статье от европейского космического агентства. Темой было «Исследование гравитационных волн посредством лазерной интерферометрии на астрономических расстояниях и неизвестном источнике гравитационных волн, обнаруженном в границах Солнечной системы». К его огорчению, канала

¹⁰ Кажется, девчонки тебя в свои сети поймали (азерб.).

связи с Землёй не было уже несколько часов, и более подробную информацию на сервере станции ему найти не удалось.

Раздумья потревожила чья-то тень, нависшая над головой. Хозяйкой тени оказалась особа со светло-зелёными глазами и слегка вьющимися волосами бледно-медового оттенка, мягко спадающими на плечи, по имени Изабелла Миллер, входящая в состав группы геологов. Со всеми приветливая, но дерзкая Изабелла, постоянно находилась в центре внимания мужской половины обитателей станции, но ухаживание принимала только от неприметного художавого астрофизика по имени Джозеф.

– Привет, Турал, – поздоровалась она и, сев напротив, поставила на стол чашку кофе.

– Привет, Изи. Тебе не спится? – вздохнул он.

– Нет, я жду Джозефа, – ответила она, взглянув на свой смарт-браслет. – Он должен появиться с минуты на минуту.

– Опять дрессируешь? – усмехнулся Турал. – Что у тебя нового, как твоя соседка, вы ладите? – поинтересовался инженер, не выказывая особого интереса.

– Да, она прелесть.

– Я думал, ты с Джозефом поселишься.

– Наверное, в скором времени мы так и поступим, но пока не торопимся, – и, на секунду задумавшись, спросила: – А кто тебе сказал, что я с Майей поселилась? Я тебе не говорила.

– Просто видел вас, входящих в одну комнату, – отведя взгляд, ответил он.

– Ну да... – пригубив кофе, усмехнулась она. – Я тебя знаю; с каких это пор тебя начала интересоваться личной жизнью других? Она мне рассказала, как ты её преследовал на корабле.

Турал промолчал, только, поджав губы, кивнул.

– Она хорошая, – блеснув глазами цвета незрелых яблок, промолвила Изабелла. – Не знала, что тебе нравятся «миниатюрные».

– Ты с домом говорила? – смутившись, сменил тему Турал.

– Да, у них всё хорошо. А ты?

– К обеду с Эмином отправили сообщение, но ответа не получили.

– А я утром получила от родителей видеофайл, – сказала она. – Все родственники были у нас, и тётя Эллен тоже. Она передавала вам привет. Кстати, ты слышал, тут о тебе новые слухи ходят?

– Что на этот раз?

– В Сети пишут, что тебя когда-то пришельцы похищали, – неловко улыбнулась она. – Ты заметил? Тебя многие избегают.

– Серьёзно? – с иронией бросил Турал. – Да, было дело. Они как раз тебе привет передавали! Сказали, что ты следующая будешь! А эти сплетни случайно не ты распространяешь?

– Нет, Дарико, её сестра ведь с Эмином встречается. Может, он что-то сказал Алико? Так что, это правда?

– Людям что, делать нечего? – вскипел Турал. – От безделья фейки пускают, лучше бы чем-нибудь полезным занялись. Нечего сплетням верить, – и, сбавив тон, вздохнул: – Я тебе могу ещё чём-то помочь?

– Можешь, – Изабелла, нахмурившись, смахнула с лица светлые пряди. – Мне поручили организацию завтрашнего праздника в честь завершения строительства станции. Я хотела сделать зеркальный шар и повесить здесь, – она указала на потолок в центре столовой. – Проекторы и шар я уже нашла. Моторчик Джозеф отвинтил с Евы.

– Ты что, заставила бойфренда разобрать секс-бот? – озадачился Турал.

– Перебьётся, – хмыкнула Изабелла. – У него есть я, и Ева ему не нужна! Кстати, он не возражал.

– Ну да, тебе возразишь, – прикрыв лицо ладонями, усмехнулся он.

– Я только не могу найти ненужное зеркало, – продолжила она. – Уже подумываю разбить у себя в комнате.

– Не надо ничего разбивать, – возразил Турал, почёсывая небритый подбородок, – тем более что там зеркала из пластика. Я думал, это будет скромный корпоратив, не знал, что вы собираетесь организовать ночной клуб.

– Это будет отличный праздник, – заявила она. – Начальство дало добро. Здесь ведь большинство – вчерашние студенты, и все будут рады оттянуться по полной программе. После застолья будет конкурс и небольшое представление – ну и танцы!

– Хорошо, помогу тебе, – вздохнул Турал, – зеркала можно сделать из древних лазерных дисков.

– Ты издеваешься?! – обиделась Изабелла. – На станции их вообще нет, их эпоха давно ушла, так же как уходит время бумаги и шариковых ручек. Скоро и они станут музейными экспонатами, – и с грустью отметила: – Помню, как в школе нас водили в музей, и там был один экспонат. Это был большой настольный аппарат с рычагом и клавишами, но без монитора. Я даже думала, что он выдаёт голографическую проекцию.

– Ты говоришь о пишущей машинке? – вставил Турал.

– Да, точно, – скривила улыбку Изабелла. – А однажды, когда была маленькой, я нашла на чердаке бабушкиного дома чёрную пластиковую коробку с надписью «Вильям и Маргарет». Прибежала к маме и спросила: «Что это?» Но она понятия не имела, что за штуку я выкопала на чердаке. В итоге выяснилось, что это была видеокассета с записью свадьбы родителей бабушки.

– Так и есть, – прокомментировал Турал. – Наше поколение «кнопки» погрязло в технологиях, живя на всём готовом! Не интересуется историей и наивно полагает, что первая книга была напечатана на принтере. Единственное, что отличает нас от овощей, – это технологии, предоставляющие нам моментальный доступ к сумме всех наших знаний. Гаджеты заменили нам память и способность вычислять. Мы уже не запоминаем информацию, мы только помним место, куда её загрузили. Экосистемы искусственного интеллекта нянчатся с нами как с младенцами. Персональные ассистенты решают за нас, что нам надевать, чем питаться и с кем спать. А мы с радостью принимаем и, продолжая деградировать, спрашиваем: «О'кей, Алиса! А где моя тачка? А как пройти домой? А какая погода за окном?» Как будто трудно высунуть голову на улицу и посмотреть!

Изабелла, стыдливо рассматривая дно кофейной чашки, вздохнула:

– Я с тобой полностью согласна. Ведь действительно были времена, когда люди учили иностранные языки только ради возможности прочитать литературные произведения в их оригинале.

– Ну ты насчёт шара не переживай, – снисходительно произнёс Турал. – На крайний случай на кухне есть пищевая фольга. Если нечего не найдём, наклеим фольгу на картон и разрежем на кусочки, получатся маленькие зеркала.

– Да?! А я и не подумала о фольге, – кивнула Изабелла.

Бригада строителей, ужинавших за соседним столом, уже расходилась, когда в столовой появился Джозеф. Подойдя к столу, он остановился за спиной Изабеллы и, положив руки ей на плечи, сказал:

– Извини, Изи, я задержался. Всё готово, можем идти, – и обратился к Туралу:

– Добрый вечер.

– Добрый, – ответил Турал и спросил:

– Джозеф, ты что-нибудь знаешь об источнике гравитационных волн в зоне гелиопаузы?

– Нет, – задумавшись, ответил Джозеф, – нам такая информация не поступала. Наверное, узнаем, когда закончится солнечное соединение¹¹ и связь с Землёй будет восстановлена. Что-то серьёзное?

– Нет, ничего, – повёл головой Турал.

– Мы идём наверх, – взяв Джозефа за руку, вмешалась Изабелла. – Там под стеклянным куполом после разборки ангара открывается прекрасный вид на звёзды. Джозеф откалибровал телескоп, и теперь мы сможем перед рассветом разглядеть на Фобосе кратер Стикни. Пойдёшь с нами?

– Нет, спасибо, я пойду спать. А вы идите, наслаждайтесь астропейзажем.

– Хорошо, увидимся, – поднимаясь, попрощалась она.

Они скрылись за дверями коридора, оставив его наедине со своими мыслями.

* * *

Глядя на отражение в зеркале, Майя мучилась в сомнениях. Короткое чёрное платье, подчёркивая изгибы её изящной фигуры, отлично сочеталось по цвету с её прямыми длинными волосами. В последний раз она была в нём на выпускном вечере Колумбийского университета. Но тогда были другие обстоятельства, и декольте вечернего платья её особо не волновало, так как в отличие от сегодняшнего мероприятия там не ожидалось присутствия её отца. Член научной группы экзо биологов, профессор генетики Джордж Хогарт не придерживался пуританских взглядов, но ему было бы неловко перед коллегами за единственную дочь, облачённую в откровенный наряд.

Раздумья потревожила ураганом влетевшая в комнату Изабелла.

– Наконец-то закончила, теперь всё готово. Осталось только переодеться и накраситься, – бросила она второпях. Распотрошив свой гардероб, она вынула из шкафа недавно сшитое из бактериальной целлюлозы платье. Затем, окинув Майю оценивающим взглядом, воскликнула:

– Вау... Идеальное! Тебе идёт.

– Даже не знаю, – нерешительно промолвила Майя, – Мне кажется, декольте слишком глубокое.

– Ничего не глубокое, нормальное. Ты, наверное, не видела глубокое... До самого пупка! – успокоила её Изабелла; уже раздевшись, она принялась натягивать на себя бирюзовое платье. – Парни точно будут в ударе! Теперь пусть отморозят себе глаза, глядя на неприступную леди Айсберг! А что до твоего отца, то он, наверное, хотел бы тебя видеть похожей на мать, – вздохнула Изабелла, кивком указав на цифровую фото рамку с изображением покойной матери Майи, облачённой в розовое сари. – Ему пора смириться с тем, что ты уже взрослая и можешь жить своей жизнью!

– Ты права, – лучезарно улыбаясь, обернулась к ней Майя.

Выдержав паузу, Изабелла многозначительно констатировала:

– Ему точно понравится!

– Кому? – настороженно покосилась на неё Майя.

– А... никому, – копошась в косметичке, попыталась увильнуть от ответа Изабелла, но, подумав, сказала. – Это, конечно, не моё дело, но вчера он вскользь упомянул тебя. Он пытался скрыть свой интерес к тебе, но я знаю его достаточно хорошо. Он не юбочник и не гей и выби-

¹¹ Соединение (в астрономии) – конфигурация небесных тел, при которой их эклиптические долготы равны. Верхние солнечное соединение Земли и Марса – период, когда Земля и Марс в своём вечном походе вокруг Солнца, скрываются друг от друга огненной сферой Солнца. И подобно двум танцорам по обеим сторонам огромного костра планеты временно становятся невидимы друг другу. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Solar_Conjunction.jpg?uselang=ru

рает только лучшее. Да, и ещё, – попыталась сменить тему Изабелла, – не забудь взять сменную обувь: на высоких каблуках танцевать будет не очень удобно. Или ты хочешь босиком?

Майя всё ещё не сводила с неё глаз, и Изабелла, не выдержав пытливого взгляда подруги, была вынуждена сдаться:

– Хорошо, это мой родственник! Он, как и ты, один из последних отшельников. Зациклился на поисках идеала, поэтому так ни с кем и не сошёлся!

* * *

Территория заурядной столовой, украшенная надутыми гелием перчатками и разноцветными скатертями, преобразилась в подобие банкетного зала. Отодвинутая за счёт спортзала гипсокартонная стена увеличила площадь для организации танцплощадки. Под потолком, переливаясь всеми цветами радуги, мерцал зеркальный шар. Турал появился в многолюдном зале в разгар банкета. Ища глазами кузена, он заметил Алико, затем нашёл и его. Эмин сидел напротив и скромно ковырял вилкой салат. За этим же длинным столом находились руководитель экспедиции Роберт Росс и Зураб с двумя дочерьми – Алико и Дарико. Заметив Турала, Зураб поманил его к себе и усадил напротив. В этот вечер экспедицию откармливали уже опостылевшими всех продуктами из полуфабрикатов – блюдами из порошковых ингредиентов, мяса, распечатанного на принтере, гороха и водорослей. Были и приятные сюрпризы из свежих продуктов – салаты из листовых культур и фруктов, и несколько блюд из свежей рыбы – радужной форели, выращенной по технологии аквапоники. Турал придерживался диеты, разработанной на основе ДНК, рекомендовавшей ему в основном мясные продукты. Но решил начать трапезу с аналога салата «Цезарь» с дольками наконец-то созревших помидоров.

Застолье проходило тихо, все увлечённо поглощали пищу, когда Зураб, начал подбивать капитана, спросив у него:

– Роберт, тебе не кажется, что атмосфера здесь какая-то не праздничная, как будто чего-то не хватает?

– Возможно, но чего? – покосился на него Роберт.

– Вот чего, – скривив улыбку, Зураб достал из-под стола белую пластиковую канистру.

Увидев на его коленях десятилитровую канистру с этикеткой «Растворитель», Роберт с недоумением спросил:

– Это то, о чём ты намекал мне весь последний месяц?

– Да, но не то, что ты видишь на этикетке, – почесал облысевшую макушку Зураб. – Знаю, нам запретили привозить спиртное, но нельзя же пропадать такому добру. Тем более что в предписаниях нет ни слова о запрете на употребление.

Открутив крышку канистры с вином, Зураб втянул в ноздри аромат красного саперави, в нотках которого переплетались букеты ароматов чёрной вишни, винограда и душистые тона красных ягод и слив, тем самым пробудив в глазах пожилого картвела тоску по родной земле.

Роберт, заметив, как у Зураба блеснули слёзы печали, не стал ему возражать:

– Ты прав, мы устали бояться по мелочам. Можем один раз и расслабиться. – И, посмотрев на канистру, добавил:

– Думаешь, нам этого хватит?

– Обижаешь, дорогой, кто сказал, что это всё? – разводя руками, ответил Зураб. – Не только нам – всем хватит! – и обратился к дочерям:

– Алико, Дарико, бегите на кухню, скажите Абени, пусть разливает всё вино из канистр по графинам. А затем несите в зал на все столы.

Принявшись наполнять первый стакан для капитана, Зураб спросил:

– Я слышал, в рационе подводников бывает алкоголь. Ты случайно на подлодке свой экипаж ромом не поил?

– Нет, у нас это не принято, – закотив глаза, вздохнул Роберт. – Но я знаю, что второй астронавт, побывавший на поверхности Луны, перед выходом пригубил вина.

Через несколько минут, поднявшись из-за стола и держа в одной руке микрофон, а в другой наполненный вином стакан, Зураб обратился к собравшимся людям:

– Дорогие мои, прошу тишины! Я как самый пожилой участник экспедиции хочу обратиться к вам с тостом. Я много где побывал, много что повидал. За свою жизнь успел поработать во многих крупных проектах, таких как строительство города *Ocean Spiral* на дне океана или же возведение километрового здания на берегу моря, и на стройках ракетных шахт за полярным кругом! – ухмыльнувшись, Зураб покосился на Роберта и продолжил: – Но самым сложным и важным для меня и для нас всех стал нынешний проект. Нет, не из-за сложности или ответственности, возложенной на нас, а потому, что эта станция стала одним большим домом для нас всех. Многие из нас через год вернутся на Землю, в свои дома, и мы уже сейчас тоскуем по дому. Но в каждом из нас до конца наших дней останется частичка этого мира, мира красных песков и острых камней. Так же как и частичка нас останется здесь, в стенах Гая-сити, ставших нам родными.

Вытянув руку с полным до краёв стаканом вина, Зураб завершил речь:

– Так пусть же в вашей жизни останется столько же тоски и печалей, сколько останется в этом стакане капель, после того, как я выпью его до дна!

После тоста стаканы опустели, и начался следующий раунд, в котором Роберт по настоянию Зураба был вынужден сказать тост. После его слов, больше походивших на предвыборную речь политика, с такими пафосными словами, как «взоры миллиардов людей направлены на успехи нашей миссии» и «станция станет форпостом для будущих колонизаторов Марса», банкет начал оживляться. На столах появились и другие алкогольные напитки, контрабандным путём «телепортированные» с Земли членами экспедиции. Уже через час, с каждой последующей композицией постепенно увеличивая громкость музыки, молодёжь зажигала на танцплощадке, и грохот колонок перешёл в режим нон-стоп.

Стоя на краю танцплощадки, Турал наблюдал, как кузен танцует с Алико. В паре метров от них танцевала Майя в компании Изабеллы и Джозефа. Её короткое облегающее платье подчёркивало красоту изгибов бёдер, и зажигающая в центре танцзала брюнетка с распушёнными волосами выглядела крайне обольстительно.

В толпе под вспышками прожекторов он выхватил на ней чей-то взгляд. С другого конца площадки за ней наблюдал системный администратор станции Олег Соболев. Ещё перед стартом во время подготовки к полёту, ему рекомендовали Олега как человека, на которого можно было положиться. Достав коммуникатор, Турал отправил ему короткое сообщение:

«Почему не танцуешь?»

Взглянув на свой ком, Олег нарочито повёл плечами и тем же способом ответил:

«Жду белого танца...»

«Долго ждёшь. Смотри, как бы тебя на „чёрный“ не пригласили.»

«Это как?»

«Это когда один кавалер приглашает другого.»

Турал знал, что сам танцует практически никак, но, набравшись наглости, сделал шаг на танцплощадку по направлению к ней. В это мгновение кто-то схватил его за руку. Это был

заместитель начальника станции Алекс Дорн. Перекрикивая ритм басов, он пытался ему в ухо что-то сказать. В грохоте колонок Турал разобрал лишь слова «Роберт зовёт тебя и Эмина в свой кабинет».

Турал в ответ ему кивнул и, уловив настороженный взгляд Эмина, жестом поманил кузена за собой.

Поднявшись уровнем выше и зайдя в кабинет начальника, они застали совещание. За овальным столом кроме Роберта сидели двое его заместителей и профессор Джордж Хогарт.

– Садитесь, – указывая на стулья, сказал Роберт. – Там внизу шумно?

– Немного, – задвигая под себя стул, ответил Эмин.

– Молодёжь везде одинакова, что в Америке, что в Европе или Азии. Грохот музыки слышен даже здесь, – заметил Джордж.

Профессор был человеком среднего роста с темными курчавыми волосами и слегка красноватым лицом.

Затем в кабинет в сопровождении Алекса вошла Майя Хогарт.

– Ну, хорошо, – сказал Роберт, – вроде все собрались. Я должен был собрать вас ещё утром, но затянул с этим. Итак, как вы все знаете, двадцать девять лет назад первый международный экипаж из четырёх астронавтов впервые высадился на поверхность Марса. Их имена навсегда вписаны в историю астронавтики как героев, покорителей красной планеты. Эта миссия должна была проработать на поверхности 27 суток, но из-за опасности надвигающейся пылевой бури была сокращена до 22-х суток. Марсианский взлётный модуль с экипажем на борту стартовал с территории долины Арес и должен был состыковаться на орбите с основным модулем межпланетной станции. По невыясненным причинам выйти на орбиту фазирования им не удалось, и их судьбы на долгие годы остались под завесой тайны. Связь с экипажем была потеряна на шестой минуте полёта, во время прохождения верхних слоёв атмосферы над юго-западом региона Кидония. Уже позднее попытки поиска взлётного модуля с помощью спутников, фотографирующих поверхность планеты, результатов не дали. До выяснения обстоятельств гибели экипажа конгресс США в одностороннем порядке свернул финансирование международной программы пилотируемых полётов с высадкой на поверхность Марса. В течение нескольких лет были предприняты попытки посадить марсоходы в зоне предполагаемой катастрофы. После посадки не один из них на связь не вышел. Затем два аппарата были успешно посажены в соседних районах, но добраться до цели своим ходом им не удалось. Один из них увяз в песках, другому удалось пробраться через песчаные ловушки, но связь с ним была потеряна: предположительно марсоход сорвался с обрыва. Много лет позже в атмосферу планеты в спускаемой капсуле был спущен автономный разведывательный марсолёт. Он долетел до зоны поисков и, проработав несколько часов, вышел из строя и разбился.

– Какой-то Бермудский треугольник, получается, – вставил Джордж.

– Не совсем, – покачал головой Роберт и продолжил: – Теперь информация, не подлежащая разглашению! Мифы о том, что астронавтов похитили пришельцы или же им удалось покинуть планету и их взлётный модуль до сих пор дрейфует на орбите, несостоятельны. Три года назад разведывательный зонд «Райдэн-1» опустился на четыреста миль западнее региона Кидония. Используя двигатель для полётов по латеральной траектории, зонд добрался до пункта назначения. Несмотря на осложнения поисков из-за наличия на поверхности оксидов, зонд, оснащённый малым радиолокатором для поиска метала, обнаружил под слоем песка и пыли капсулу взлётного модуля с не отделившейся второй ступенью. Судя по фотоснимкам выступающих на поверхность частей, – Роберт указал на монитор, висящий на стене, – капсула с астронавтами на борту от носителя не отделилась, и модуль рухнул на поверхность целиком. Не взорвался и даже не раскололся. Многие годы международное сообщество откладывало отправку астронавтов на Марс. Но, несмотря на это, теперь мы здесь, и одна из приоритетных задач нашей миссии – выяснить причины этой катастрофы.

– Всё, что вы сказали, капитан, не является тайной, – вставил Турал.

– Да, знаю, – продолжил Роберт. – Две недели назад айрокатер, отправленный с нашей станции в режиме беспилотного управления для более детального исследования места катастрофы, очистил от песка направленными потоками атмосферы некоторые части фюзеляжа и сделал несколько снимков. Как видно, – на снимке он указал на стропы, – при посадке капсула выбросила парашют. Это одна из последних фотографий, отправленных с айрокатера, пропавшего в районе падения модуля, так же как марсолёт и зонд «Райдэн-1».

– Насколько я знаю, при нештатной ситуации должна была сработать аварийная система спасения экипажа, – добавил Эмин. – и разделить взлётный модуль на отсеки. А во время и после посадки капсулы на поверхность все данные должны были отправляться на орбитальную станцию, ожидавшую стыковки.

– К сожалению, никакой информации нет, и сигнала с радиомаяка капсулы не поступало, – сказал Роберт. – Межпланетная станция на орбите дрейфовала ещё семь лет и, со временем потеряв высоту, развалилась в атмосфере над равниной Эллада. В агентстве считают, что аварийный регистратор, находившийся в капсуле, сохранил всю важную информацию. В самописце есть речевые записи последних минут экипажа и показания с бортовых приборов. Нам поручили немедленно снарядить экспедицию в регион Кидония для изъятия чёрного ящика и транспортировки тел погибших астронавтов на станцию.

– Если я вас правильно понял, воспользоваться резервным айрокатером нам в этой экспедиции не светит? – высказался Эмин. – На нём мы могли бы добраться до места крушения за несколько часов.

– Нет, грузоподъёмность айрокатера не позволит доставить тела всех астронавтов. К тому же этот вопрос мы уже обсуждали. Отправка первого айрокатера была ошибкой. Как первый пилот ты знаешь, что пилотируемые полёты над аномальной зоной запрещены. С нас достаточно того, что мы пережили во время посадки корабля, – поставил точку в полемике Роберт и продолжил: – Экспедицию возглавит мой заместитель Алекс Дорн, – он указал на своего зама и передал слово ему.

– Поисково-исследовательский отряд, состоящий из пяти человек, выдвинется на двух роверах, – неуверенно начал Алекс, – основном и ровере техподдержки. В состав экспедиции войду я и Бернардо Диас, – он указал на другого заместителя, сидящего рядом с ним. – И ещё трое, чьи кандидатуры нам предстоит обсудить.

– Я мог бы поехать, если... – вступил в разговор заместитель начальника Бау Лю, но Роберт его перебил:

– Нет, Бау, ты нужен мне здесь.

– Если не возражаете, я войду в состав экспедиции. Вам нужен будет врач, – обосновав своё рвение, высказалась Майя.

– Даже не думай, ты останешься здесь, – смерив её пытливым взглядом, вставил Джордж. – Так далеко ещё ни одна экспедиция не продвигалась. У меня есть опыт вождения роверов, и к тому же я страдаю бессонницей. Так что, если нет возражений, в качестве врача поеду я.

Майя, покраснев и сдержав возмущение, опустила взгляд. Она промолчала, не посмев перечить отцу. Только сейчас, сидя напротив неё, Турал рассмотрел у неё на шее круглый амулет с изображением богини.

– А как насчёт тебя? – обратился Алекс к Эмину.

– Поеду, – выдал Эмин. – Без системы позиционирования, по которой вы привыкли искать дорогу даже в сортир, вы заблудитесь за первым же холмом. У меня нет желания искать вас потом на дне какого-либо кратера. Естественно, я с вами.

Роберт ждал, что скажет Турал. В итоге инженер произнёс:

– Не нравится мне эта суета. Когда туда тайно отправляли айрокатер, нашим мнением никто не интересовался. Могли бы подождать, когда Гырат¹² доставит на орбиту новый спутник связи. Ясно, что кандидатов вы отобрали заранее, и они все здесь. К тому же вам известно, что без меня Эмин никуда не двинется. Короче, завтра я завершу рутинные дела на станции и прокачусь с вами.

– К сожалению, грузовой корабль мы ждать не можем, – вставил Роберт. – Он прибудет ко времени, когда в северном полушарии начнутся холода. Но один из спутников для обеспечения связи функционирует.

– Раз уж мы обсудили состав экспедиции, перейдём к деталям, – более уверенно продолжил Алекс. – Наш маршрут составлен по снимкам местности, сделанным айрокатером на пути в регион Кидония. Если будем придерживаться графика, путь в один конец займёт около шестидесяти двух часов. Заряда аккумуляторов хватит на восемьдесят пять процентов маршрута, остальное солнечные панели роверов выработают уже в пути. По данным астрофизической обсерватории Кайнат¹³, неделю назад на юге от нас началась локальная пылевая буря. Нам крайне важно вернуться до её возможного прихода сюда. Поэтому нужно выдвинуться в течение следующего сола. Наш маршрут пройдёт на север по заливу Авроры, через долину Тиу. Затем мы пересечём долину Арес. И, продвигаясь вдоль границы между равниной Хриса и землёй Аравия, доберёмся до пункта назначения на юго-западе региона Кидония.

– Труднее всего будет пройти через территорию хаоса¹⁴ у долины Тиу, – вставил Эмин, – а на равнине Арес роверы смогут придерживаться крейсерской скорости.

– Хорошо, – сказал Роберт, – завтра с утра начнём подготовку к экспедиции, а вечером уже в путь. На всю операцию шесть солов. А теперь прошу всех расходиться. Жду всех здесь в девять утра.

¹² Гырат – грузовой беспилотный корабль, названный в честь коня, неоднократно спасавшего легендарного героя Кёроглу.

¹³ Кайнат (азерб.) – Вселенная.

¹⁴ Хаос – понятие, используемое в планетной геологии для описания областей на поверхности небесных тел, имеющих хаотичный рельеф.

2. Маринер

Когда на пологие склоны долины опустились угрюмые сумерки, два из трёх роверов, находящихся в гараже, стояли у центрального шлюза, готовые ринуться в путь. Эмин и Турал заняли места в ровере №2. Алекс, Бернардо и Джордж разместились в ровере №1. Ровер-микроравтобус, покрытый противорадиационным экраном, представлял собой мини-лабораторию и одновременно жилой модуль на шести колёсах и эксплуатировался для вылазок по окрестностям долины. Большую часть внутреннего пространства занимали системы жизнеобеспечения – регенераторы воды и кислорода, баки с водой, азотом и кислородом. Также внутри были шкафы, санузел и гардеробная, где переодевались в пневмокостюмы астронавты, и смежный с ней проходной шлюз, расположенный в задней части ровера. Для размещения экипажа место в ровере оставалось только в носовой части.

Глава группы подготовки к экспедиции Бау Лю последним покидал ровер. Эмин в это время приклеивал к лобовому стеклу зеркало заднего вида с видеорегистратором от грузовика, вместо штатного видеорегистратора, вышедшего из строя накануне. Пожелав им удачи и выходя из салона, Бау бросил загадочную фразу:

– Не торопитесь выезжать, мы кое-кого ждём.

Эмин с Туралом вопросительно переглянулись.

– Кажется, состав экипажа кем-то пополнили, – задумчиво произнёс Турал.

– Надеюсь, это будет стюардесса, – ухмыльнулся Эмин.

Минуту спустя в узком проходе шлюза появилась хрупкая девушка с собранными на затылке в хвостик волосами. Полная решимости идти до конца, Майя с двумя крупногабаритными сумками в руках пробивалась к салону ровера.

Пока Турал, одеревенев, протирал глаза, Эмин вскочив с водительского кресла, принялся ей помогать. Разместив её сумки на полке, он задрал шлюзовые двери ровера.

– Добрый вечер, – не поднимая взгляда, произнесла Майя. – В первом ровере места мало, и Бау послал меня к вам. Я ведь вас не стесню?

– Нет... Добро пожаловать, – растерянно пробубнил инженер.

– Втроём будет веселей! – занимая место за штурвалом, вставил Эмин. – Нас ожидает продолжительный тур в долину царей на встречу с марсианским сфинксом и километровыми пирамидами!

– Он шутит, мы туда не доедем, – снисходительно добавил Турал, оборачиваясь к ней, занявшей место в пассажирском кресле позади них. – Дай ему волю, он потащит нас на полюс играть в снежки замёрзшей углекислотой.

В путь их провожали около двух десятков человек, собравшихся внутри ангара. Среди них был системный администратор станции Олег Соболев. Бросив на кузенов настороженный взгляд, он помахал им рукой и удалился вглубь станции.

– Мы готовы, – раздался голос Алекса по каналу связи.

– Мы тоже, – ответил Эмин. – Выезжайте, мы за вами.

Ворота центральный шлюз медленно поднялись, и через несколько минут, освещая перед собою путь, в ночные сумерки холодных песков ворвались два ровера. Выехав на поверхность, первый ровер остановился на площадке перед станцией.

– Эмин, ты эти места лучше знаешь, езжай впереди, – сказал по связи Алекс.

– Без проблем, – ответил Эмин, объезжая их. – Не отставайте.

Майя, обернувшись, приподнялась, надеясь увидеть через иллюминаторы дверей шлюза огни прожекторов станции, но смогла разглядеть лишь яркий свет фар следующего за ними ровера. Они мчались по унылой каменистой пустыне, и лишь звёзды составляли им компанию на пути к региону Кидония.

Скуку развеивали переговоры в эфире между экипажами роверов и начальником станции, лично координирующим экспедицию. Майя, закрыв глаза, расслабилась и под раскачивание ровера быстро погрузилась в сон.

Под утро, пропустив первый ровер вперёд, Эмин передал управление кузену.

– О чем задумался? – поинтересовался Турал, наблюдая подавленное настроение кузена.

– Да так, о вечном, – выдавил Эмин. – Не знаю, но дома что-то происходит. Я просмотрел сообщение от мамы. Обычно она болтает обо всём подряд, но в этот раз говорила только о том, что переживает за нас и чтобы мы берегли друг друга и без надобности не рисковали. Может быть, она больна, но скрывает?

– Не знаю, – вздохнул Турал. – Я тоже заметил, в последнем сообщении глаза у неё были заплаканные. Не переживай, просто она скучает. Иди лучше принеси что-нибудь выпить, а то в горле пересохло, – сказал он, пытаясь отвлечь кузена от грустных мыслей.

Майя пробудилась в чудесном настроении от прикосновений тёплых солнечных лучей, поймав себя на мысли:

«Как приятно проснуться с первыми проблесками солнечного света. И как я, живя внизу, тосковала по этому рассвету. Для полного блаженства не хватает только птичьих голосов и зелёных лугов».

Проснувшись полностью, она осознала, что воспоминания о земной природе растворились прямо на глазах в этой холодной реальности.

Турал сидел за штурвалом. Не заметив её пробуждения, он вёл транспорт, следуя за первым ровером.

– Доброе утро, мисс Хогарт. Как выспались? – спросил сидевший позади неё Эмин, организовывая импровизированный завтрак за столиком, трансформирующимся в спальное место, наподобие тех, что бывают в плацкартных вагонах поездов.

– Спасибо, отлично! – ответила она.

– Вам чай или кофе?

– Нет, спасибо, может, позже.

Она обнаружила, что пристёгнута ремнём безопасности к креслу.

– Во сне вы сползали, пришлось пристегнуть, – бросил Турал, встретившись с ней взглядом в зеркале заднего вида. Глаза у него были красными от бессонницы.

После лёгкого завтрака, ограничившись кофе с молоком, Майя пересела вперёд, рядом с Туралом.

За бортом открывался унылый пейзаж. Утренний рассвет раскрашивал выжженный радиацией марсианский ландшафт. За четыре миллиарда лет прошедших с момента остывания жидкого внешнего ядра в глубине планеты, и исчезновение конвекционных потоков, защищавших атмосферу от солнечного ветра, смертельное излучение полностью стерилизовало поверхность Марса. Изрытая кратерами мёртвая планета была усеяна бесформенными кусками закаменевшей лавы. Застывшие во времени волны красно-оранжевых холмов расплещивались в безбрежном океане песка. Вдали, вдоль бескрайней степи тянулись мрачно-серые скалы. Особо романтичных впечатлений, воспетых за последнюю сотню лет писателями-фантастами, эта безжизненная пустыня не производила.

– Эти места похожи на лунную долину, – сказал Турал.

– И в самом деле, Вади-Рам, – подержал Эмин, устраиваясь на заднем кресле, и пояснил:

– Это пустыня в Иордании. Мы там роверы испытывали. Для полного драйва не хватает Хабуб¹⁵.

¹⁵ Хабуб (араб.) – «дующий неистово»; мощная песчаная и пыльная буря в пустынях Египта и Аравии.

– Не напророчь, – процедил Турал. – Магнитное поле у Марса слабое и неустойчивое, и на компас из-за магнитных аномалий мы полагаться не можем. Навигационная система тоже глючит. Сейчас единственный надёжный ориентир – это Солнце. Если накликаешь песчаную бурю, то пойдёшь впереди пешком.

– А где мы находимся? – спросила Майя.

– Мы покинули каньон Капри, скоро пересечём экватор, – ответил Турал, добавив: – И по традиции мореплавателей станем морскими волками.

– Скорее пустынными, – вставил Эмин. – И сможем, как пираты, носить серьгу в ухе.

– Ага! – воскликнул Турал. – А потом поселимся на улице Кастро¹⁶, чтобы местные «сёстры» нам проходу не давали. Спасибо, мне лишних дырок пока не надо!

– Мисс Хогарт, вы ведь врач – и психолог тоже? – спросил у неё Эмин.

– Я нейрохирург, но квалификация психотерапевта у меня есть.

– Как вы считаете, гомофобия является признаком скрытой гомосексуальности? – спросил Эмин. Опасаясь получить от кузена, он отстранился назад.

– Нет, – ответила Майя. – Мозг каждого человека работает по-разному и имеет уникальный идентификационный отпечаток. Основоположник психоанализа считал, что латентная гомосексуальность в разной степени присуща всем людям в силу их врождённой бисексуальности. Это широко распространённый в природе механизм, призванный регулировать прирост численности того или иного вида в зависимости от изменений в среде их обитания. Определяющую роль играют гены, но роковой неизбежности в этом нет. Сексуальная ориентация человека во многом зависит и от других факторов, формирующих с возрастом строение гипоталамуса. Это воспитание, социальный статус и жизненный опыт. Так что геями не рождаются. Это свободный выбор каждого, и порой очень изменчивый. А гомофобия – это свойственный людям устоявшийся социокультурный предрассудок. Признак невежества человеческого индивидуума.

– Не обижайтесь, – глядя на неё, сказал Турал. – Мы вполне адекватные приматы. Просто одно из его увлечений – доставать людей глупыми вопросами.

– В детстве, когда мы проказничали, бабушка называла нас Чип и Дейл, – прокомментировал Эмин.

– Дейлом был он! – указав друг на друга, выкрикнули они оба и этим очень напугали Майю.

– Вы, мисс Хогарт, лучше откройте нам свою тайну, – обратился к ней Турал. – Как вам удалось убедить железного Роберта и в последний момент запрыгнуть в эту авантюру?

– С большим трудом, – загадочно улыбнулась Майя.

– И все-таки?

– Магнитные поля.

– Это как?

– Я знаю, – сказал Эмин. – Полосовые магнитные аномалии. Как раз в одну из таких мы скоро попадём.

– Ну да, конечно, я не догадался, – усмехнулся Турал, – Это вроде эффекта Соляриса?

– Да, нейрофизиологи считают, что при воздействии слабых магнитных полей на кору головного мозга могут возникать слуховые и зрительные галлюцинации, при этом сопровождаясь мнимым уплотнением времени и трансформацией сознания, – сформулировала свой ответ Майя, как если бы защищала диссертацию.

– Короче говоря, вы убедили Роберта, что нам непременно померещатся зелёные человечки, – с иронией бросил Турал.

¹⁶ Кастро – квартал в городе Сан-Франциско, известный в качестве места компактного проживания представителей ЛГБТ-сообщества.

– Нет, красные, – поправил его Эмин, и все троём они рассмеялись.

В этом состоянии им минут пять не удавалось сдерживать хохот, пока не пришёл вызов с первого ровера и не послышался голос профессора:

– Всем доброе утро!

– Доброе утро, папа! – протирая слезящиеся глаза и едва сдерживая смех, ответила Майя.

– Ты как, выпалась, тебя не укачало?

– Нет, всё хорошо.

– Рад за вас. Скоро мы приблизимся к нулевой широте. Дальше на пути будут скалистые холмы и разломы, от тряски будет не до сна. Так что тем, кто ещё не спал, рекомендую отсыпаться.

– Спасибо за совет, – ответила Майя.

Потом переговоры шли между Бернардо и Туралом.

По пути к экватору роверы периодически поддерживали связь со станцией, и при одном из сеансов слабые электрические колебания в контуре содрогнулись от голоса Изабеллы.

– Майя, здравствуй. Как ты там? – чуть ли не крича, заголосила она.

– Привет, Изи. Не волнуйся, у нас всё в порядке, – ответила Майя и включила видеосвязь; на дисплее появилось веснушчатое лицо подруги.

– Я уже по тебе скучаю, – заявила Изабелла, – и по этим двум придуркам тоже. Они тебя не обижают?

– Нет.

– Нам тебя тоже не хватает, точнее, твоих издевательств, – вступил в разговор Эмин.

– А ты молчи! Твой брат обещал подключить связь с роверами к общей информационной сети станции. Где он, почему молчит?

– Я тоже рад тебя слышать, – выкрикнул Турал из заднего ряда. – Помню, прости, но нам этого сделать не разрешили.

– Я всю ночь не спала, пытаюсь с вами связаться с кома. А Роберт всю ночь сидел в командном пункте и никого не пускал. Мне дали всего пару минут на разговор с вами, здесь очередь, и меня уже выгоняют. Майя, слушай, если увидишь что-нибудь интересное, не забудь снять на камеру. Ребята, берегите себя и возвращайтесь поскорее. Вечеринка за мной!

После завершения связи Эмин, тяжело вздохнув, возмущённо сказал:

– И правильно, что не пускал! Конвертер чуть не задымил от её болтовни. Не только она хочет поговорить с нами, но никто ведь вперёд не лезет.

Едва он успел выплеснуть свои эмоции, как пришёл очередной вызов. На этот раз, на связи была Алико. Эмин отключил громкую связь и, подсоединив гарнитуру, продолжил с ней разговор.

Турал и Майя переглянулись, не желая мешать Эмину, пересели за стол, и надели клипсы-наушники. Каждый погрузился в мир своей музыки. Майя – в сборник онлайн-коллабораций¹⁷, сгенерированный виртуальными гибридами из несуществующих музыкальных инструментов, а Турал – в классику, в нетленный джаз ночного города ветров.

* * *

К вечеру они пересекли экватор. Долина Тиу встретила их хаотичным рельефом, сложенным из беспорядочного сочетания гряд, трещин и плато. Под слоем сметённой ветром пыли и песка проглядывались красочные слоистые отложения, синие и зелёные минеральные породы. Раскрывались калейдоскопические массивы голубых оттенков: от рифлёных песчаных дюн до мелких кратеров светящихся сине-кобальтовой и аквамариновой пылью. Как и преду-

¹⁷ Онлайн-коллаборации – совместное создание музыки.

преждем Джордж, несмотря на снижение скорости, роверы на ухабах подбрасывало, как пустые тележки, и машины громыхали всеми своими болтами и гайками. Чтобы не выпасть из кресел, пассажирам пришлось пристегнуть ремни безопасности.

Объезжая глубокие расщелины на каменистой местности, Турал старался вести ровер осторожно. За ними по следам двигался первый ровер. Затем их путь проходил по руслу пересохшей реки, по обе стороны обрамлённой далеко простирающейся стеной. Бескрайняя скала надменно бросала тень на дно иссохшей реки. Холодная тень, как ледяная лавина, быстро их накрыла. Недавно опалённая солнцем поверхность с наступлением сумерек мгновенно остыла. Остановив ровер у отвесной скалы, Турал собирался передать управление Эмину. В свете фар внимание Майи привлекли странные каменные прослойки на скале.

– Смотрите, что это? – указала она на камни.

– Наверное, аргиллит, – безразлично ответил Турал.

– Нет, посмотрите на следы эрозии, они лежат пластами. Изабелла рассказывала мне об этих окаменелостях. Возможно, они образованы цианобактериями в Нойский, самый древний геологический период Марса. В те времена у планеты было сильное магнитное поле и плотная атмосфера, и по поверхности текла жидкая вода, а условия для жизни были более чем благоприятны.

– Действительно, – кивнул Эмин, направив на них свет прожектора. – Это похоже на стром... стромо... строматолиты, – осекаясь, выговорил Эмин.

– Если хотите, мисс Хогарт, можем сделать остановку и взять пару образцов, – заявил Турал.

– Да, – с радостью воскликнула Майя. – В них могли сохраниться сигнатуры древних биомаркеров.

Турал, связавшись с первым ровером, сказал:

– Алекс, нам нужно сделать короткую остановку, – при этом он жестом дал кузену знать, чтобы тот надевал пневмокостюм, – Эмину нужно выйти размять ноги.

Бернардо остановил ровер рядом, так, чтобы через боковое окно они видели друг друга, и ответил: – Алекс только что уснул, а мы и так отстаём от графика.

– Доктор Хогарт, – обратился к профессору Турал.

– Да, слушаю вас, – ответил Джордж, сидевший рядом с Бернардо.

– Ваша дочь, возможно, нашла подтверждение былой жизни на планете. Не хотите взглянуть?

Через пару минут в передней части кабины показалась сонная голова Алекса.

– Хорошо, – выдал Алекс, – вы всё равно не отстанете. Пусть выходит только Эмин, и быстро. Джордж уже в шлюзе, он тоже будет колотить камешки.

Оставив их наедине, Эмин исчез за дверью гардеробной. Турал глядел на неё тёмно-кариими глазами, пытаясь найти тему для разговора. Наконец, прервав неловкое молчание, он произнёс:

– Майя, твой отец тоже собирает образцы для геологов?

– Нет, его научная группа ищет подтверждение теории литопанспермии.

– Никогда не слышал о такой. Я знаю только, что такое панспермия¹⁸.

– Согласно одной из теорий литопанспермии¹⁹, первоначально жизнь зародилась здесь, на Марсе. Но со временем семена жизни были перенесены на Землю метеоритами, выброшенными в космос в результате извержений вулканов или ударов крупных астероидов об поверхность Марса.

¹⁸ Панспермия – гипотеза о возможности переноса жизни через космическое пространство.

¹⁹ Литопанспермия – естественный перенос живых организмов через космическое пространство, исключая возможность загрязнения планет спускаемыми аппаратами.

– И что? – усмехнулся он. – Ты считаешь, что мы вернулись на историческую родину?

– Ну, в какой-то мере да, – улыбнулась она. – Во многих религиозных культурах считается, что создатель сотворил человека из глины, а затем вдохнул в него жизнь. И учёные подтверждают, что первичным бульоном, где могла зародиться жизнь, была не просто вода, как ранние считалось, а именно гидрогель глины. Знаете, почему в наших жилах течёт кровь красного цвета?

– Нет.

– Кровь окрашена в красный цвет благодаря оксиду железа, идентичному тому, что лежит на поверхности этой планеты, а под ним на поверхностях древних озёр есть отложения глины.

– Да, в философской логике тебе не откажешь, – усмехнулся он. – Теперь я знаю, почему кровь на вкус как ржавый металл! В твоих словах есть доля истины. Ржавчина, то есть оксидная плёнка, на поверхности других планет и их спутников так и не обнаружена. В этом плане Земля и Марс – самые уникальные планеты Солнечной системы.

Через несколько минут Эмин вернулся с пакетом красноватых камней и, торжественно вручив их Майе, сказал:

– Примите дары красной планеты, но один я оставляю себе в качестве сувенира.

– Спасибо, – поблагодарила его Майя, рассматривая камни сквозь прозрачный пакет.

Пропустив первый ровер вперёд, они продолжили свой путь. Эмин за штурвалом расслабился и насвистывал под нос незатейливый мотив. В наступивших сумерках едва просматривались вершины горного хребта.

На связь вышел Бернардо, сказав:

– Поздравляю вас, *amigos de los astronautas*²⁰. Четверть пути мы уже прошли, осталось самое «лёгкое» – пройти Сьерра-Мадре. Судя по карте, там должен быть перевал, через него и пройдем.

– У наших машин низкие дорожные просветы, они не рассчитаны на лазанье по скалам, – ответил Турал. – Это степные волки, а не горные козлы! Нам лучше объехать с востока. Умный в гору не пойдёт. . . .

– Знаю, – вступил в разговор Алекс. – Лучше он домой пойдёт! Будь мы чуточку умнее, сидели бы сейчас дома и готовили бы у себя во дворе барбекю. Я тоже не прочь свернуть, но мы не можем позволить себе потерять несколько часов. Роберт запретил нам уклоняться от маршрута.

– Ясно, – завершая связь, сказал Турал.

Часом позже они спускались по крутому скалистому склону, местами покрытому каменной осыпью. Крепко вцепившись в подлокотник кресла, Турал проворчал:

– Дистанцию держи, ты не на сафари.

– Я не виноват, здесь гравий, сцепление плохое, – оправдался Эмин.

– А кто ведёт первый ровер? – спросила Майя.

– Кажется, ваш отец и, замечу, для профессора очень даже неплохо, – ответил Эмин. – Где он так научился?

– Он много времени провёл в экспедициях, – ответила Майя. – Бывал в Гималаях и на Тибете. У жителей труднодоступных горных селений собирал образцы ДНК. И здесь на ровере выезжал с геологами за пробами грунта. Наверное, так и научился.

Неожиданно впереди идущий ровер остановился. Эмин попытался затормозить, однако машина пошла юзом по мелким камням. Уходя от столкновения, он свернул. Лавируя между глыб камней, машина скатывалась по склону, и лишь сильный удар о днище остановил их от падения в пропасть.

²⁰ Друзья-астронавты (исп.).

Ремни безопасности удержали их в креслах, и никто не пострадал. Освещение в салоне на миг потухло и включилось. Звуковой сигнал и сообщение на приборной панели оповестили о переключении систем жизнеобеспечения на резервное питание.

– Всё в порядке? – обернувшись, спросил Турал.

Майя утвердительно кивнула.

– Поздравляю тебя, астропират, – обратился к кузену Турал. – Твоя звёздная шхуна села на мель и, кажется, распоролла себе брюхо!

На дисплее высвечивалось сообщение о разгерметизации аккумуляторного отсека в днище ровера. Часть систем функционировали в штатном режиме, но ровер был бездвиген и накрён на бок.

– Народ, вы куда укатили? – связавшись с ними, спросил Алекс.

– Скучно стало, решили сократить путь. А почему вы остановились? – поинтересовался Эмин.

– Нам здесь каменный валун дорогу перегородил. Мы остановились, чтобы сдать назад и объехать.

– У нас здесь авария, мы на камень напоролись, – вздохнул Эмин. – Кажется, основной аккумулятор повреждён. Нужно выйти посмотреть.

– Хорошо. Мы тоже выйдем, – сказал Алекс, завершая связь.

Спустя несколько минут они вышли наружу оценивать полученные повреждения. Майя осталась в ровере одна и слушала их переговоры. Из их слов было ясно, что передние левое колесо зависло над поверхностью и острый каменный валун, попав под днище, пробил герметичную обшивку, повредив основной аккумулятор. Добраться до аккумулятора возможности не было: сначала нужно было откатить бездвигенный ровер, затем, заделав пробоину, извлечь повреждённый аккумулятор через люк в полу салона ровера. Они планировали взять ровер на буксир и вытянуть лебёдкой, но вскоре отказались от этой идеи. Угол наклона на этом участке был слишком велик, и первый ровер сам едва удерживался на склоне. В итоге было решено вызволять транспорт из каменного плена старым дедовским способом, вручную толкая назад. Эмин вернулся в ровер, подсоединил электропривод к резервному питанию и переключил рычаг движения на задний ход. Уходя, он попросил Майю по команде нажимать на педаль акселератора. Профессор с первого ровера принёс трёхметровую трубу, и они с Туралом использовали её в качестве рычага, пытаясь приподнять машину, чтобы во время движения назад застрявшая каменная глыба ещё больше не повредила днище.

По команде Майя давила на педаль, а остальные выталкивали ровер назад. Несмотря на то, что из-за низкой гравитации на Марсе одиннадцати тонный транспорт весил почти в три раза меньше, выбираться из каменного плена он не спешил. Ровер, упрямо буксуя, разбрасывал острый гравий из-под колёс и поднимал пыль. В итоге, раскачивая машину, им удалось общими усилиями опустить её на все шесть колёс.

Заметив через иллюминатор, как блеснул свет фонаря, и захлопнулась наружная дверь переходного шлюза, Майя по каналу связи спросила:

– Турал, это ты, всё в порядке?

– Да, почти. А что? – спросил он, выполняя обязательную процедуру очищения пневмокостюма от радиоактивной пыли и ожидая повышения давления в шлюзе.

– Я не сразу обратила внимания, но, когда ты был снаружи, твои биометрические показатели пропали.

От него ответа не последовало, так как он уже отключил пневмокостюм. Майя этого не поняла и, растерявшись, забыла закрыть общий канал связи. В это время экипаж первого ровера возвращался к себе.

Минуту спустя внутренняя дверь шлюза открылась. Войдя в гардеробную, Турал сказал:

– Без паники, я живой!

Прикрыв дверь, он стал переодеваться.

– Труба с плеча соскользнула и острым концом распорол пневмокостюм, – объяснил он. – В какой-то момент я испугался, что получу баротравму²¹ и, чтобы не отвлекаться на твои вопросы, отключил передачу биометрических данных. Но, кажется, обошлось.

Войдя в салон, он потёр мышцы правой руки. Повреждённый от плеча и до внутренней стороны локтя пневмокостюм он положил на полку и сказал:

– Потом попробую его восстановить.

– А разве нет резервного? – поинтересовалась Майя.

– А это и был резервный, – усмехнулся Турал. – Основной за год нещадной эксплуатации изнашивался: пылевая эрозия его добила. Я сдал его перешивать, но он ещё не готов. И когда снимали мерки, выяснилось, что из-за низкой гравитации я подрос на пару сантиметров. Пневмокостюм – вещь дорогая и строго индивидуальная, у половины экспедиции их вообще нет, у остальных только по одному. У меня и Эмина из-за нашей работы их по два комплекта. Мужики вообще от них не в восторге. Говорят, пневмокостюмы придумали феминистки: уж слишком сильно давит...

Поняв, о чём идёт речь, Майя, опустив глаза, улыбнулась.

– Кстати, а у тебя есть... – спросил он, пояснив: – Пневмокостюм?

– Своего нет. Роберт отпустил меня с условием, что я не покину ровер и на поверхность выходить не буду. Но в последний момент Изабелла выкопала из шкафа какой-то скафандр и настояла, чтобы я его взяла. А на лестнице меня остановила заведующая складом и вручила мне пневмокостюм. Сказала, он должен мне подойти. Теперь у меня их два, – улыбнулась она, с энтузиазмом указывая на две огромные сумки на верхней полке. – Там ещё личные вещи и хирургические инструменты.

Турал собирался связаться с Эмином, но заметил, что связь ещё включена. Бросив на Майю неодобрительный взгляд, он спросил:

– Эмин, как там дела?

– Плохо, – прокряхтел Эмин, восстанавливая герметизацию под днищем ровера.

– Пробоина глубокая?

– Должно быть, да. Потом сам посмотришь изнутри. Я приклеиваю последнюю полоску герметика, но подавать давление не торопись, они не затвердели.

Вернувшись, Эмин сел за штурвал и отвёл ровер на безопасный склон. Увеличив давление в аккумуляторном отсеке, он стал наблюдать за показаниями датчиков.

– Всё вроде держится, можем открывать, – бросил он.

Турал поднял люк в полу ровера и стал там копаться – вынул оттуда пахнущий гарью один из элементов кремниевого нанопроводникового аккумулятора. Положив на стол массивный и сильно деформированный элемент, он начал изучать его корпус. Эмин в это время, склонившись над отсеком, стал заделывать пробоину изнутри.

– Эмин, тащи резервный, – бросил ему Турал.

– Его у нас нет, – подняв голову, стыдливо произнёс Эмин.

– Как? Ты же вчера его зарядил и перенёс сюда.

– Бау его вынес, сказал, что всё, что тяжёлое и не имеет критической важности, нужно оставить для облегчения массы.

Алекс, связавшись с ними с первого ровер, спросил:

– Какие новости?

– Плохие, – ответил Эмин. – У вас там резервный элемент есть?

²¹ Баротравма – физическое повреждение органов тела, вызванное разницей давлений между внешней средой (газом или жидкостью) и внутренними полостями.

– Нет, – ответил Алекс, – Бау его забрал. Решил, что нам лишний груз ни к чему. А что, старый починить нельзя?

– Можно, – ковыряя элемент отвёрткой, выкрикнул из-за стола Турал. – Я вскрыл корпус: здесь замкнуло несколько слоёв изоляции, мне придётся разбирать, потом всё восстанавливать по одному. Тут часов на пять работы.

– Это долго, мы здесь больше часа торчим. Я только что связался с Робертом, он сказал, что вы можете оставить ровер, а сами перебраться к нам.

– Нет, там у вас и так тесно, и бросить ровер мы не можем: если аккумулятор сядет, вода в баке замёрзнет. Эмин и Майя поедут с вами. А я останусь чинить аккумулятор, потом вас догоню.

– Хорошо, мы ждём, – завершая связь, сказал Алекс.

– Мы можем снять аккумулятор от аварийного питания и подключить вместо повреждённого элемента, – предложил Эмин. – А на время замены я с помощью кабеля подключу нашу энергосистему к первому роверу.

– Не пойдёт, *Jumper*²², – ухмыльнулся Турал, назвав его ник, данный ему ещё в детском технопарке за умение упрощать электронные цепи роботов, и добавил:

– Аварийный аккумулятор слишком слаб, и с ним мы в гору не полезем. А основной из-за тряски я на ходу восстанавливать не смогу. В итоге потеряем ещё больше времени. Так что собирайтесь, а я займусь ремонтом.

– Я могу остаться? – неуверенно промолвила Майя.

– Если хотите, мисс Хогарт, оставайтесь, – не поднимая взгляда, вздохнул инженер. – Только для экономии энергии мне придётся на пару часов отключить подогрев, в салоне будет жуткий холод.

– Не страшно, я выдержу, – уверенно произнесла Майя.

– Ну, я пошёл. Не скучайте! – бросил Эмин, переходя в гардеробную и, обращаясь к Майе, сказал:

– Удачи вам, доктор Хогарт, в ваших изысканиях «О влияние магнитных полей на психику моего кузена», – и, взглянув на её сумки на верхней полке, с улыбкой добавил:

– Надеюсь, ваши эксперименты не закончатся его краниотомией!

Майя взглянула на него пылающими глазами. Затем вспомнила, что, когда забыла отключить связь, Эмин, а может не только он, мог слышать разговор, в котором она упомянула хирургические инструменты. Не зная, что ему ответить, она сконфуженно улыбнулась.

– Катись уже, – крикнул Турал, замахнувшись в его сторону отвёрткой, и добавил:

– Не забудь взять резервный.

– Хорошо, – бросил Эмин, закрывая за собой дверь.

Через несколько минут, устроившись у окна, Майя наблюдала, как под ночной россыпью звёзд от них отдалялись последние огоньки цивилизации.

Инженер отключил подогрев, и скоро в салоне начало холодать. Майя заняла себя рисованием цветов на запотевшем стекле.

Турал молча продолжал восстанавливать элемент аккумулятора, но затем, подняв глаза, спросил:

– Майя, почему не уехала с ними?

Она не ответила, лишь задумчиво повела плечами.

– Ты никогда не выходила на поверхность?

²² *Jumper pins*, *JP* или просто *Jumper* (англ.) – перемычка, позволяющая замыканием (размыканием) нескольких контактов сконфигурировать электрическую цепь.

– В космическом центре нас инструктировали, обучали основам работы с пневмокостюмом и, пока строили станцию, я пару раз выходила под купол. Но до выхода под открытое небо так и не дошло: честно говоря, я боялась.

– Ничего, – вздохнул Турал, – в первый раз всем страшно. Когда вернёмся в Гая-сити, будешь таскать во двор подружек играть в бадминтон. Кстати, у меня есть идея.

– Какая?

– Неплохая, – прищурился он, – но торопиться не будем.

Встав, он достал с верхней полки термическое одеяло и, подойдя к ней вплотную, её укрыв.

– Спасибо, – промолвила она, укутываясь в серебристое одеяло, – не думала, что будет так холодно.

– За бортом минус пятьдесят два по Цельсию, – сказал он, взглянув на приборную панель.

Через час с первого ровера пришёл вызов, слышался голос Алекса:

– Как у вас дела?

– Всё нормально, – коротко проговорил инженер.

– У нас теряется сигнал радиомаяка станции, – сказал Алекс. – Если не получится починить аккумулятор, постарайся поднять ровер повыше и обеспечить нам связь со станцией и навигацию – сможете ретранслировать наши сообщения на «Гая». А на обратном пути Эмин предлагает объединить энергосистемы кабелем, и мы «паровозиком» вернёмся домой.

– Да, размыслились! – ухмыльнулся Турал. – Я вам слил центнер балласта! Так что теперь мы налегке раньше вас доберёмся до пункта назначения. – А затем серьёзно добавил:

– Но если действительно нужно, мы можем остаться.

– Нет, нам будет спокойней, если вы будете рядом, – ответил Алекс.

– Ясно, до связи, – Турал завершил разговор и вернулся к столу.

Устроившись за столом напротив него, Майя, ёрзая, свернулась клубочком и натянула на себя одеяло до самых глаз. Над вершиной серебристого покрывала виднелись лишь её полумесяцем брови, а под ними хлопали густые ресницы.

– Турал, а почему с ними поехал Эмин, а не ты? – поинтересовалась она.

– Алекс и Бернардо – кадровые военные, с аппаратурой умеют обращаться только командами и затрещинами. Если что-либо откажет, Эмин устранил неполадки. К тому же в их ровере не работает система астронавигации. Он знает звёздную карту северного полушария и по небесным телам может определять географические координаты, пользуясь только часами и секстантом.

– У него есть секстант?

– Нет, коммуникатор. Он модифицировал навигационное приложение под звёздное небо северного полушария. Для определения координат использует Фобос и Денеб.

– А ещё способы есть?

– Да, на крышах роверов есть мини-детекторы, анализирующие рентгеновское излучение. Атмосфера здесь тонкая, можно ориентироваться по пульсарам. Это сложно, но надёжней, чем GPS.

– Понятно, днём Солнце, ночью звёзды, а если начнётся пылевая буря? В чём ваш секрет, как вы находите верное направление?

– Секрет в магнитометре – это наш старый добрый компас, – усмехнулся Турал. – Поверхность планеты покрыта слабыми магнитными полями. По карте аномальных полей тоже можно ориентироваться. Ни один из этих способов не даёт стопроцентную гарантию, но дублирование этих методов уменьшает вероятность ошибки. В любом случае Эмин не потеряется. Во время подготовки к полёту твои коллеги исследовали его извилины на томографе, и сказали, что у него зашкаливает процент координатных нейронов, отвечающих за ориентацию в пространстве. Один из них даже начал писать диссертацию на эту тему.

– Я хотела уточнить. У тебя странный южный акцент. Ты учился в Штатах? – поинтересовалась она, переводя своё любопытство на него.

– Не только, – вздохнул он. – Я родился в Калифорнии.

– А я в Колорадо. Я была в Калифорнии всего пару раз, и то транзитом в аэропорту.

– Куда-то летела?

– В Осаку, а потом в Курасики. Мы там сдавали экзамены на нейрохирургов. У них есть очень увлекательный тест на упорство: нас учили делать микросуши и оригами. Со стороны кажется просто, но в первый раз очень сложно. А когда возвращались, из-за задержки рейсов на несколько часов застряли в аэропорту LAX²³. Потом, когда прилетела домой, из новостей узнала, что в тот день военные самолёты преследовали в небе Калифорнии неопознанный летательный объект. Я так думаю, народ там не скучает. Как там, в Калифорнии, живётся?

– Уже не помню, я там был давно, – слукавил он, не желая касаться этой темы. – Мы уехали оттуда, когда я был ребёнком.

²³ LAX – международный аэропорт Лос-Анджелеса.

3. Бегство

В пасмурный осенний день всё вокруг кажется прикрытым серым, скрывающим небо-свод покрывалом из хмурых туч. В воздухе веет холодом, а время замедляется. В эту пору шестилетний ученик начальных классов возвращался с уроков на школьном автобусе.

Прошлой ночью стих ураган, попутно прошедший над их городком, оставив после себя озёра грязных луж, разбитые дороги, и деревья, уложенные макушками на север. Автобус остановился у перекрёстка, и двери раскрылись. Спрыгнув с подножки жёлтого монстра, мальчишка побежал к своему дому. Когда-то он жил в соседнем доме вместе с родителями, дедом и бабушкой и братом отца дядей Замилом. После женитьбы Замиля в доме стало тесно, и его отец купил у пожилой пары, переезжавшей в Сан-Диего, соседний дом. Турал перебрался с родителями в дом за оградой, которую отец снёс сразу же после переезда. Их одноэтажный дом был старым и ветхим. Родители планировали его снести и построить на его месте новый, но из-за финансовых трудностей откладывали дорогостоящий проект на неопределённый срок. Затем у дяди Замиля родился сын. А через год после тяжёлой болезни умер дед. Бабушка Амалия стала больше времени проводить со старшим внуком и научила его складывать из бумаги фигуры журавля и пингвина.

Перепрыгивая через лужи и шурясь от ветра, Турал добежал до своего дома в конце улицы и заметил во дворе отцовский «форд». Обычно в это время отец бывал на работе со своим братом в автомастерской, находящейся у въезда в город. Но сегодня он не вышел на работу и ожидал приезда мастеров из энергокомпании. Накануне вечером ветер свалил дерево во дворе, и оно зацепило ветвями электропровода, тянущиеся к столбу у стены их дома. В итоге дерево и столб, который оно потянуло за собой, лежали на земле, загнав их семью на всю ночь в каменный век без электричества.

К его возвращению отец уже распилил дерево на части, но электричества в доме ещё не было. Турал осторожно переступил через кабель, лежавший на земле. Он был с изоляцией, но у него до сих пор оставались неприятные воспоминания о первом опыте с электричеством. Однажды в дошкольные годы, когда они жили в доме деда, маленький непоседа Турал взял без разрешения бабушкины спицы для вязания. Всё было безобидно, пока двухлетний ребёнок не заинтересовался электрической розеткой в стене. И вот он радостно ковыряет металлической спицей в розетке, а затем втыкает вторую. Через мгновение он в другом конце комнаты, открыв рот, дрожит на полу и жадно глотает воздух, руки трясутся, но кричать не может. Затем он весь в слезах прибегает на кухню к матери, жаловаться на розетку.

Но сейчас для него это воспоминание из прошлого. Теперь он взрослый и самостоятельно возвращается на школьном автобусе домой.

Турал по лестнице поднялся на веранду. Открыв входную дверь, запиравшуюся только на ночь, вошёл в дом.

В полусвете длинного коридора, держа в руке свечу, слабыми всполохами освещавшую прихожую, ему навстречу вышел отец. На нём была чёрная шерстяная водолазка, и вид был у него нездоровый.

– Привет, родитель один, – пробормотал Турал.

– Привет, лохматый, – сопя заложенным носом, ответил отец. Потрепав густую шевелюру сына, он задал дежурный вопрос:

– Как дела в школе? – и, не дожидаясь ответа, свернул в дверь гаража.

Сбросив школьный рюкзак, Турал переобулся и пошёл на кухню. Мать стояла перед плитой и что-то сыпала в кастрюлю. Она была в серебристо-сером спортивном костюме с капюшоном.

– Пришёл, красавчик, – улыбнулась она, сдувая с ресниц пряди каштановых волос. – Кушать хочешь?

– Нет.

– Не переодевайся, дома холодно. Иди к бабушке, она тебя ждёт, поможет с уроками. Обед пока не готов – огонь еле горит. Я позову тебя, когда будет готово.

– Аббас, ты где? – окликнула она отца.

– В гараже, – послышался его простуженный голос.

– Электрики, когда приедут?

– Они работают на соседней улице, как закончат, сразу приедут.

Пока Турал переобувался обратно в ботинки, беседа родителей не прекращалась.

– Мария, у тебя на мобильнике зарядка есть? Мне нужно посветить.

– Нет, зарядка села. Я его на солнечный коврик положила. Тебе зачем?

– Я в подвал спускаюсь, проверить отопительный котёл. Фонарь найти не могу, а со свечой ничего не видно.

– Твоя мама подарила мне из своего приданого керосиновую лампу. Она здесь, на кухне. Можешь взять, только керосином заправь.

Прихватив свой рюкзак, Турал вышел во двор и направился в соседний дом. Бабушка Амалия встретила его поцелуями и удушающим объятием, как если бы внука не видела целый год.

– Эмин спит? – вырываясь из объятий, спросил Турал.

– Да, мой хороший, тётя Адель его укладывает. Ты раздевайся и иди в дедушкин кабинет.

Я принесу тебе мясной пирог, будем вместе делать уроки.

Войдя в кабинет, Турал старался не шуметь. Он поднялся на высокий стул за письменным столом у окна. Достав школьный планшет, бросил рюкзак на пол. Просмотрев задания на планшете, наклонился к рюкзаку за папкой.

В следующие мгновение в уши ударил раскат, вместе с взрывной волной посыпались осколки стёкол. Упав на усеянный осколками ковёр, он оцепенел. Сквозь звон в ушах слышал вой автосигнализации и плач кузена в соседней комнате. Упёршись руками, попытался подняться, но резкая боль пронзила ладонь. Перед ним меж осколков по плетёному красному ковру пробежал паук.

В комнату вбежала бабушка, подняв внука на руки, его обняла. Вытянув руку, Турал рассматривал впившийся в ладонь окровавленный осколок стекла. Амалия, крепко обнимая внука, смотрела во двор. Дом, в котором остались её невестка и сын, лежал в руинах. Клубы пыли уносились южным ветром, а у дороги затормозил патрульный автомобиль.

Родителей Турала увезли на машинах реанимации, с ними в госпиталь уехала и бабушка. Замиль, заехав домой только вечером, вскоре вернулся в госпиталь. Поздним вечером разошлись соседи, собравшиеся, чтобы поддержать и предложить помощь. Адель, супруга Замиля, оставшись дома с детьми одна, всю ночь не смыкала глаз. Переживала и каждые полчаса созванивалась с супругом в надежде услышать обнадеживающие новости. Всё это время Мария и Аббас оставались в крайне тяжёлом состоянии. Под утро, сидя на диване в углу детской комнаты и прижав мобильный телефон к груди, Адель уснула.

Турал лежал в детской кровати и слушал, как за окном свистит ветер. Рядом, уткнувшись в его плечо, мирно сопел трёхлетний кузен. Прошлогодня пижама, надетая на Турала, была ему мала, так же как и его старая кровать, куда этой ночью его уложили с Эмином. Ноющая боль под забинтованными швами в основании большого пальца, куда впился осколок стекла, не утихала. Заметив, как по стене скользнул свет, Турал поднялся с кровати. Подбежав к окну, он через треснутые стекла стал всматриваться во двор. В соседнем дворе над деревьями виднелось зарево, но происходящего там не было видно. Он лишь замечал тени, мелькавшие

за высокими кипарисами. Предположив, что его родители вернулись из госпиталя, он обрадовался.

Подбежав к матери кузена, заснувшей на диване, и стараясь не разбудить Эмина, он стал её шёпотом звать:

– Тётя Адель, проснись, они приехали.

Она не проснулась, лишь, глубоко вздохнув, отвернулась. Турал не стал ждать, в тапочках вышел в коридор и, открыв дверь, выбежал во двор.

Сквозь сон, услышав детский кашель, Адель всколыхнулась. В детской кроватке беспокойно ёрзал Эмин, но Турала там не было. Она заметила свечение за окном, и её сердце сжалось. В поисках ребёнка она вышла в коридор и обнаружила приоткрытую входную дверь. Позвала Турала, но, не услышав ответа, выбежала за ним.

Адель остановилась на веранде, увидев нечто необъяснимое. У руин соседнего дома на высоте полутора метров парил объект металлического цвета сферической вытянутой формы, размером с небольшой дом. Его окружала полупрозрачная энергетическая оболочка, слегка касающаяся земли и светящая голубоватым излучением. Над нею овладел первобытный страх, ноги в судорогах задрожали, не слушаясь, подкосились, налились свинцом. Не в силах сделать шаг, Адель упала на колени и в приступе ужасной боли прикрыла лицо руками. Спустя минуту, показавшуюся ей вечностью, боль, уносясь с порывом ветра, утихла.

Открыв глаза, залитые пеленой слёз, Адель разобрала очертания неосвещённой улицы. То, что стало причиной её ужаса, исчезло. Она с трудом поднялась с колен, обмякшие ноги отказывались слушаться. Держась за перила, она спустилась с веранды. В окнах дома через улицу загорелся свет, раздались хором отголоски лая собак. Подойдя на несколько шагов к руинам, она нашла под деревом Турала: он без сознания лежал на земле. Его лоб покрывал холодный пот, а бинт, которым была перевязана ладонь, бесследно исчез.

* * *

Два месяца спустя Турал сидел на заднем сиденье дядино пикапа и играл с кузеном. Рядом с ними была Адель с заплаканными глазами. На переднем сиденье беззвучно рыдала бабушка Амалия. Они навестили могилу Марии и теперь в припаркованном у ворот кладбища автомобиле ждали Замиля. Он стоял неподалёку и беседовал со своим братом.

После полученных травм и потери супруги Аббас сильно изменился, стал хмурым и нелюдимым. Его осунувшееся лицо, покрытое следами ожогов, обросло густой щетиной, сделав похожим на державшего бороду брата. Попрошавшись с ним, Замиль вернулся к грузовику. Сев за руль автомобиля, он молча посмотрел на мать, затем захлопнул дверь. Они тронулись и, выехав с парковки, оставили позади глядевшего им вслед опустошённого человека. Доехав до городка, Замиль не свернул на дорогу ведущую домой. Проехав мимо семейного ресторана, куда они часто заезжали по уик-эндам, он повёл свой грузовик к автостраде.

Турал, протиснувшись между передними сиденьями, спросил:

– Дядя, мы куда едем?

Замиль ответил не сразу, лишь время спустя, вздохнув, произнёс:

– В Мексику, Турал, мы едем в Мексику.

4. Экскурсовод

На рассвете инженер связался с первым ровером, поинтересовавшись:

– Как ваши дела, танкисты?

– Пока дышим, – ответил Алекс. – Нас, как в блендере, изрядно растрясло, но в целом все живы. Связи с «Гая» уже нет, но хорошо, что Эмин с нами. В горах АНС²⁴ сыграла с нами шутку – сориентировалась на сигнал вашего радиомаяка, отражённого от скал. Я сбился с курса, но твой кузен вывел нас на верный маршрут. Сейчас он отдыхает. Вы ему что, навигатор имплантировали?

– Вроде того, – ответил Турал, – он как домашний кот, хоть в другой штат его забрось, дорогу обратно все равно найдёт. Он вас далеко увёл?

– Далеко, я вижу внизу пологие склоны долины. Минут через двадцать будем мчаться по равнине. Думаю, к вечеру будем вблизи района посадки «Патфайндера». А как у вас дела?

– С аккумулятором закончил, но нам нужно ещё полсола, чтобы стабилизировать напряжение в элементе, иначе на следующую гору не взберёмся.

– И что планируете делать? – спросил Алекс.

– Мы ждать не будем. Я связался с Робертом, объяснил ситуацию. Он дал добро на корректировку маршрута. Сейчас мы спустимся вниз, а затем двинемся на восток по руслу реки.

– Думаешь, я не понял, почему тебя на восток потянуло? – усмехнулся Алекс, затем, вздохнув, добавил:

– Удачной вам экскурсии.

– Спасибо! – ответил Турал. – Мы там долго не задержимся – сделаем несколько снимков и двинемся дальше. Роберт нам не разрешил входить внутрь. Боятся, что там марсиане поселились!

– Ясно, до связи, – завершил разговор Алекс.

Турал вёл ровер на восток, а Майя, сидя рядом, время от времени протягивала ему пакет сушёного чернослива. Путь, проходящий по руслу высохшей реки, напоминал долину разбитых плит из каменного ковра, испещрённого сетью мелких трещин.

Сол перевалило за полсол. Солнце палило почти в зените, и температура за бортом перевалила нулевую отметку.

Неожиданно остановив ровер, Турал сказал:

– Не пугайся, Майя, это быстро пройдёт.

Майя подняла взгляд и увидела, как на них, охватывая всё русло реки, надвигался пылевой вихрь шириной в пол сотню метров. Она пыталась рассмотреть его вершину, но столб из песка и пыли уходил высоко в небо. Вначале на стекло посыпались золотые пылинки, затем ровер охватила жёлто-мутная мгла. Кружась и затягивая пыль, вихрь обжимал машину плотным кольцом. Прощупав все щели ровера и не найдя лазеек, он помчался дальше, оставив после себя расчищенную от пыли дорогу.

Увиденное зрелище заставило Майю поволноваться, но спустя час, устав наблюдать за бортом нудный пейзаж, она пересела назад. Надев перчатки с датчиками, нацепила очки виртуальной реальности и, вытянув перед собой руки, начала жестиковать пальцами.

Он долго наблюдал за ней в зеркале, пытаясь сдержать любопытство, но всё же, не выдержав, спросил:

²⁴ АНС (ANS, Adaptable Navigation Systems (англ.)) – инерциальная система координат использует последнее известное местоположение как точку отсчёта и вычисляет текущее по анализу скорости и направления перемещения. Дополняется системой регистрации радиочастотных сигналов радиостанции, по степени их изменения и мощности рассчитывается направление и скорость движения.

– Ты дирижируешь?

– Практикуюсь – оперирую гемангиобластому. Не хочу терять навыки.

– Надеюсь, твой пациент выживет, – усмехнулся он.

Уголки её губ слегка дёрнулись, руки замерли. Расстроившись, она сорвала с глаз очки. –

Не в этот раз – рука дрогнула.

– Я тебя отвлѐк.

– Это не имеет значения. Хирурги как сапѐры, права на ошибку не имеют, – затем, пере-
сев вперѐд, спросила:

– У нас связи со станцией больше не будет?

– Скорее всего, нет.

– Почему мы едем без связи? Ведь раньше были спутники связи, что с ними стало?

– Те, что были, приказали долго жить, – отшутился Турал. – Ты действительно не знаешь?

– Нет, на моей работе это никак не сказывалось, и я этим не интересовалась.

– Ну конечно, блаженная. Роберт сказал нам только то, что мы должны были знать, и не больше. Спутники сжѐг ЭМИ, – с досадой вздохнул он. – Спалил ко всем чертям, превра-
тив в орбитальный мусор.

– Что такое ЭМИ?

– ЭМИ – электромагнитный импульс, побочное явление при ядерном взрыве. Но есть
прототипы электромагнитного оружия. Ты слышала о тихоокеанском инциденте?

– Слышала, но что там произошло, не знаю.

– И не узнаешь, всю информацию засекретили в тот же день.

– А конкретней объяснить можешь?

– Ну как объяснить? – задумался он. – Вот, например, почти у каждого государства
есть система противовоздушной обороны. Когда в воздушное пространство страны вторгается
неизвестное воздушное судно, система радиолокационного опознания запрашивает пароль,
чтобы определить его принадлежность, её ещё называют системой «свой-чужой». Если пароль
неверен или ответа не последует, то в небо поднимаются истребители-перехватчики для визу-
ального опознания или даже возможного уничтожения нарушителя. То же самое произошло
много лет назад с марсианским взлѐтным модулем и командным модулем на орбите. И на про-
тяжении многих лет со спускаемыми аппаратами, которые пытались сесть в этом регионе, –
с марсолѐтом, зондом «Райдэн-1» и айрокатером, посланным со станции две недели назад.
С той лишь разницей, что никаких перехватчиков не было. Был лишь электромагнитный
импульс, который выводил из строя всю электронную аппаратуру в зоне прямой видимости.
После последнего импульса две недели назад функциональными остались только два спутника,
предназначенные для фотографирования поверхности: в момент импульса они находились
на другой стороне планеты. Один из них наспех перепрограммировали и развернули, чтобы
временно обеспечивать связь в коротких экспедициях.

– Но ведь связи все равно нет, – вздохнула Майя.

– Конструкция спутника такова, что направленная антенна связи разворачивается только
вместе со спутником и односторонними солнечными панелями, – разъяснил Турал. – Если
антенна направлена на планету, то и солнечные панели тоже. Спектр отражѐнного солнечного
света с поверхности Марса не годится для полноценной выработки энергии для работы спут-
ника. Головастики на Земле подсчитали, что солнечные панели будут получать достаточно
света для генерации энергии, вовремя прохождения спутником сумеречной зоны терминатора.
Но в сол начала нашей экспедиции бортовой компьютер спутника передал нам привет, сооб-
щив, что напряжение в аккумуляторе маловато и он до лучших времѐн погружается в режим
гибернации. Он пролетал над нами утром, но до сих пор молчит. Короче, теперь мы как слепые
котятa, и при этом собираемся сунуть свой нос на закрытую для нас территорию. Туда, где что-
то есть, и нам там точно рады не будут. Не знаю, чем думал Роберт, отпуская тебя с нами, –

раздражённо высказался Турал. – Но если ты считаешь что это увеселительная прогулка, то ты сильно ошибаешься, – выдержав паузу, он добавил:

– Зря ты ввязалась в эту авантюру.

Она заметила, как его глаза налились кровью, пальцы крепко сжали штурвал. Следующий час пути она молчала, ни о чём не говорила и вопросами его не досаждала.

Спустя время, когда она примирительно протянула ему пакет томатного сока, он произнёс:

– Спасибо. Извини, что обидел. Просто мне не нравится отвечать на вопросы.

– Я сама виновата, – кивнула Майя. – Устроила тебе допрос, а сама ничего не рассказываю.

Их взгляды встретились, на её губах мелькнула едва заметная улыбка.

– Ну, если хочешь, можешь рассказать, – предложил он. – Почему в последнюю минуту влетела в наш ровер и ввязалась в эту авантюру?

– Я особо и не рвалась попасть именно в эту экспедицию. Просто хотелось увидеть нечто большее, чем вид из панорамного окна. Я несколько раз пыталась напроситься и выбраться хотя бы в короткие поездки, но отец всегда находил отговорки и геологов предупредил, чтобы меня с собой не брали. Последней каплей стали его слова в кабинете капитана: «Даже не думай, ты останешься здесь».

– И ты решила не сдаваться и настояла на своём, – вздохнул Турал.

Майя, улыбнувшись, кивнула.

– Не думал, что закон противодействия можно применить в психологии, – усмехнулся он. – Теперь ты знаешь, почему твой отец был против твоего участия: он знал о возможных рисках в этой экспедиции и пытался тебя уберечь. Кстати, мы всё время едем на восток, а ты до сих пор не спросила, куда мы держим путь.

– Я знаю, – гордо заявила Майя. – Судя по переговорам с Робертом, мы едем к «Хижине марсиан».

– Нет, «Хижина марсиан» – это станция первых астронавтов. Она находится на семьдесят миль северо-западнее того места, куда мы направляемся. А мы держим путь к месту, где они «Примарсильсь». И там, впервые на поверхность планеты ступила нога человека! Тогда, почти двадцать девять лет назад, во время входа в атмосферу спускаемого модуля с экипажем, дала сбой система управления реактивным торможением. Они не разбились, но, промахнувшись, сели на семьдесят миль юго-восточнее заданной точки. Провели два сола на месте посадки, а затем, собрав планетоход, уехали к марсианскому взлётному модулю на юге долины Арес, где и основали станцию «Хижина марсиан». Эта станция состоит из пары технических модулей на поверхности и одного жилого, развёрнутого в траншее надувного продолговатого модуля. От радиации он укрыт кусками льда и засыпан грунтом. Если хватит времени, может, и туда заглянем на обратном пути. А сейчас, если не заблудимся, мы найдём спускаемый модуль и до захода солнца успеем устроить себе небольшую экскурсию.

Майя с умилением спросила:

– Мы выйдем наружу?

– Если не боишься, – скривил улыбку он.

Майя предпочла промолчать о том, что с ним уже ничего не боится и, загадочно улыбувшись, кинулась к своей сумке вынимать пневмокостюм.

Пневмокостюм представлял собой модификацию обжимного скафандра с нейросенсорным управлением декомпрессионных материалов. Это был цельный белоснежный комбинезон с герметичными застёжками и прочными щитками на коленях и локтях. Изнутри костюм был отделан комбинированными кусками эластичного биополимера, впитывавшего влагу. Биополимер, стягиваясь под воздействием электрических импульсов, управляемых биометрическим компьютером, плотно сжимал тело астронавта, не позволяя пневмокостюму раздуться

в условиях разреженной атмосферы. С помощью прижимного защёлкивающегося кольца на голове закреплялся сферической формы гермошлем из прозрачного акрила с регистрационной и осветительной аппаратурой. Поверх пневмокостюма надевался жилет из твёрдого композита, подключающийся к гермошлему и пневмокостюму. В этом сервисном ранце находилась основная электронная начинка, а к спине жилета крепились баллоны системы жизнеобеспечения.

Майя перешла в гардеробную и, второпях сняв униформу, с энтузиазмом принялась примерять пневмокостюм. Турал старался не отвлекаться от управления машиной, но отражение в зеркале заднего вида не давало ему покоя: тонкое термобельё, обтягивающее её фигуру, назойливо будоражило фантазию.

Он посчитал недостойным поддаваться искушению, подсматривать за ней и, окликнув, коротко проинструктировал:

– Майя, примерь только костюм, «горшок» на голову пока не надевай.

– Хорошо, – смутившись, спохватилась она и быстро прикрыла дверь гардеробной.

Листая на коммуникаторе фотографии, сделанные первой миссией на месте высадки, Турал пытался сориентироваться на местности. В итоге, остановив ровер, он объявил:

– Кажется, приехали.

Вернувшись в салон, Майя склонилась над креслом. За правым бортом у подножия холма виднелся полузасыпанный песком посадочный модуль, походивший на большой казан конической формы.

– Это он? – спросила она.

– Да, – ответил инженер. Встав, он подошёл к полке и достал пневмокостюм. – Ты пока не торопись, мне сначала нужно свой кожух восстановить.

Залепив повреждённые места пневмокостюма похожими на скотч тонкими пластинами герметика, отложил высохнуть, а затем сказал:

– Теперь надевай жилет.

Надев жилет, Майя подошла к нему. Застегнув на ней застёжки, Турал взял её за кисть, с панели управления на запястье включил биометрический компьютер. Пневмокостюм, сильно сжимая тело, быстро стал на ней стягиваться. На дисплее панели появилась таблица самодиагностики.

– Так, – задумчиво произнёс Турал, – аккумулятор заряжен, кислород есть, надо только фильтры сменить. А костюм-то тебе великоват, – усмехнулся он. – Чувствуешь где-нибудь давление меньше, чем на других местах?

– Да, немного.

– Здесь и здесь, – он указал на её бедро и грудь.

Майя, смутившись, кивнула.

– Ну, естественно, ты ведь одна такая, – подметил он, глядя на дисплей. Затем, не сдержавшись, захихикал.

– Что? Почему смеёшься? – растерянно спросила она.

– Извини, ничего... Просто я, кажется, знаю, чей это костюм, – ухмыляясь, выдал он.

Майя промолчала, потому как знала, что пневмокостюм, который был на ней сейчас, до неё носила известная во всей экспедиции блудница с ником «Песочные Часы», славившаяся тем, что могла надевать трусы, исполняя сальто.

– Хорошо, – кивнул он, закрепляя гермошлем. – Теперь выдохни воздух и постарайся не дышать, а я через инженерное меню настрою под тебя. Будет жарковато, но за бортом всё сбалансируется.

Через четверть часа они стояли в шлюзовой камере, ожидая понижения давления.

– Не передумала? – громко прозвучал его голос в наушниках.

– Нет, – мотнула она головой.

Ей становилось жарко, но, когда он открыл дверь шлюза, она ощутила, как снаружи повеяло холодом пустыни. И вместе с этим палящей зной склонявшегося к закату солнца, обжигая лицо, резал глаза.

Турал, сойдя на поверхность, повлѣк её за собой.

– Выходи, ты ведь этого хотела! Увидишь Марс таким, какой он есть на самом деле. Мы сейчас пройдем по стопам его первых покорителей. Только на Солнце не смотри, за стѣклами ровера это незаметно, но здесь солнечное облучение в два с половиной раза интенсивней, чем на Земле: даже вечером можно получить загар.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Майя выглянула наружу. Держась за проѐм двери, она осторожно ступила на заднюю подножку. Окинув взглядом раскрывшийся пейзаж, она ощутила лёгкий трепет. Всѣ вокруг казалось ярким и контрастным, над головой по бледно-оранжевому небу плыли редкие облака. От страха под ложечкой щемило, но отступить она не собиралась.

– Тебе помочь? – спросил он, протягивая ей руку.

– Нет, – ответила она, передавая ему дрожащей рукой камеру. – Лучше снимай.

Взяв камеру, он начал снимать. Переборов страх и сомнение, она спрыгнула с подножки и, воспарив как птица, вырвавшаяся на свободу, приземлилась в мир красно-золотых песков. Необъятный мир, покрытой жѣлто-красной пудрой, расстился у её ног. Сделав несколько нерешительных шагов по мягкому, как тальк, реголиту, она остановилась. Её волнение мгновенно улетучилось, и спустя минуту она как ребёнок, подняв голову к небу и распрямив руки как крылья, радостно крутилась вокруг своей оси, наслаждаясь свободой открытого пространства.

Снимая происходящее на камеру, Турал предупредил:

– Будь осторожна, на камни не наступай, они острые. Дожди здесь не идут, и вода их не точит.

После минутной эйфории и лёгкого головокружения Майя отдышалась и уверенными шагами последовала за своим гидом к спускаемому модулю.

Время и сухой климат пощадил спускаемый аппарат, практически не содрал с него краску. Казалось, если постучаться, то кто-то из его обитателей непременно откроет люк и пригласит на чашку кофе. Но отсутствие следов говорило о том, что полужасыпанный модуль уже давно заброшен посреди замѣрзших холмов. Вокруг него ничего не было: всѣ, что астронавты не забрали с собой, они убрали внутрь модуля.

– Мы можем войти? – спросила Майя.

– К сожалению, нет, – сказал Турал. – Роберту достанется от Агентства, если узнают, что мы без санкции входили внутрь.

Майя стояла перед люком на том месте, где когда-то на поверхность планеты впервые ступила нога человека.

– Кто из них был первым?

– А этого никто не знает, – ответил Турал. – С самого начала подготовки к миссии четыре агентства не могли прийти к согласию. Все хотели, чтобы именно их астронавт был первым, кто шагнѣт на поверхность.

– И что? – поинтересовалась она.

– Они бросили монету! – сострил Турал, затем добавил: – Нет, шучу, конечно! Решили, что они выйдут вместе и встанут на нижней ступени трапа, который, раскладываясь, расширяется до двух метров, затем они все одновременно ступят на поверхность. Конечно, был кто-то, кто на долю секунды опередил остальных, но это событие на видео не запечатлено, и на первых записях они уже вчетвером скачут вокруг модуля. Кстати, любой предмет, находящийся внутри этого модуля, на аукционе артефактов будет стоить кучу денег, в особенности тот складной трап, с которого они сошли.

– Ты меня снимешь на фоне модуля? – кокетливо спросила она.

– Хорошо, – вздохнул он, направив на неё камеру. – Решила устроить фото сессию? Все девчонки одинаковы! Камера снимает, я не выключал. Роберт должен убедиться, что мы не входили внутрь. На гермошлемах штатные камеры записывают, но наши переговоры им слышать незачем. Поэтому Роберт увидит только запись с камеры.

Турал перчаткой стёр пыль с иллюминатора и, подняв камеру над головой, приблизил к окошку, пытаясь снимать то, что было внутри модуля. Затем он долго смотрел на вершину пологого холма, у подножия которого находился модуль. – Подожди, там кое-чего не хватает. – Он передал камеру ей и направился к вершине.

– Куда мы идём? – спросила она, следуя за ним, и опасаясь наступить на острые вулканические осколки.

– На всех фото этого холма видно, как на вершине развеваются пять флагов, – сказал он, прибавляя шагу. – Евросоюза, ООН и трёх государств.

Они поднялись на вершину, но ничего там не нашли.

– Может, они забрали флаги с собой или убрали в модуль? – предположила Майя.

– Может быть, – задумчиво бросил Турал.

– Смотри, здесь что-то есть, – указала она на металлический стержень, местами выглядывающий из-под слоя пыли.

Склонившись над находкой, они очистили от песка и пыли сваленный флашток; на его оборванном шнуре висел один из флагов.

– Надо найти второй, – поднимая стержень, сказал Турал. – Было два флаштока, между ними тянулся этот шнур, и на нём крепились флаги.

Обойдя весь холм и его подножие, они снова поднялись на вершину. Их поиски не увенчались успехом.

В итоге Турал сдался:

– Наверное, флашток с другими флагами унесла буря, но скорее всего, он где-то здесь, глубоко засыпан песком.

На гребне тёмно-коричневого холма они вбили флашток в грунт, обставили кучей камней и закрепили на нём единственный найденный флаг.

Красно-сине-белое полотно, отбрасывая тень наискосок, колыхалось на ветру, уносящем ледяные тучи к горизонту.

– Кажется, я протекаю, – произнёс Турал, посмотрев на дисплей панели управления на своём запястье и прижав к правому плечу перчатку, добавил: – Лучше нам вернуться в ровер. Когда я вбивал флашток, треснула заплатка герметика.

* * *

Следующим утром они мчались по долине Арес, выжимая максимальную тягу из электропривода ровера.

Майя, обратив внимания на показания спидометра, спросила:

– Здесь скорость указана в милях или в километрах?

– В милях, но отсчёт времени местный. Нам желательно оторваться от бури, – он указал на восток, где стягивался оранжевый туман. – А вообще марсианское сафари имеет своё преимущество: здесь низкое аэродинамическое сопротивление атмосферы. Главное – на крупный камень не налететь, иначе перевернёмся.

Ровер в очередной раз встряхнуло. Турал вздрогнул, из последних сил борясь с одолевшим его сном.

– Останови ровер, – скомандовала она.

– Зачем?

– Ты спишь на ходу, – возмутилась она. – Две ночи не смыкал глаз. Ты должен выспаться.
– Нет, мы не можем отставать, к обеду они будут уже на месте. А нам нужно хотя бы к вечеру до них добраться.

– Ничего страшного, если нужно, я поведу ровер.

– Ты хочешь отобрать у капитана штурвал? – с иронией бросил он.

– Ха... На педаль может нажимать и моя бабушка, – гордо подняв нос, с обидой заявила Майя. Она нахмурилась, брови сползли к переносице, а губы сложились в тонкую линию.

– Хорошо, – останавливая ровер, вздохнул Турал. – Только будь внимательна.

Усадив её за штурвал, он начал инструктаж:

– Только не больше сорока миль в час. Автопилот не включай, АНС ненадёжна. На показания магнитометра не смотри: сейчас он показывает на запад, а через пару миль может показать куда угодно.

Взяв в руку жёлтый маркер, он поднялся:

– Извини, но солнечный трекер накрылся вместе с видеорегиистратором. Так что будем пользоваться извилинами.

На верхнем правом углу лобового стекла, он нарисовал кружок. Сев в кресло, нарисовал второй на его тени в левом краю приборной панели.

– Смотри, ты должна ехать на север, так чтобы эта тень со стекла падала на эту метку. Постепенно, в течение часа, тень должна перейти вот сюда, – и он нарисовал ещё одну немного правее. – А через два – вот сюда, – и сделал следующую метку.

– Слушаюсь, сэр капитан! – отчеканила довольная Майя.

– Не иронизируй и следи за временем, иначе уедешь на запад. Видимый горизонт здесь близко, дальше трёх-четырёх километров не увидишь, – сказал он, перебираясь на заднее кресло. – Я крепко спать не буду. Разбуди меня через пару часов, когда увидишь край большого метеоритного кратера. Да, и держись подальше от пылевых дьяволов. Если что, там, буря нас накроет, солнце выключится или марсианка на обочине будет голосовать, то сразу меня разбуди.

– Не переживай, справлюсь, – заявила Майя, регулируя под собою кресло.

5. Враг человечества

Двадцать два года спустя после гибели матери и бегства его семьи из Штатов студент Масчусетского технологического института стоял на обочине дороги у въезда в город и ждал своего кузена. Напротив, через дорогу, мерцала красно-синими огнями вывеска семейного ресторана из его детства, куда он с родителями приезжал по уик-эндам.

Со стороны автострады, моргая лисьими фарами, подъехал белоснежный автомобиль и остановился рядом. За рулём, сверкая молочно-белыми зубами, сидел Эмин. Усаживаясь на передние сиденье, Турал положил свой рюкзак под ноги и пожал кузену руку.

– Давно ждёшь? – трогая с места авто, поинтересовался Эмин.

– Минут сорок. Пока ждал, зашёл в кафе, съел пломбир. Тебе тоже прихватил, – ответил Турал и, выдвинув подстаканник, поставил в него стакан с ванильным пломбиром. – Вкус, конечно, не тот, что в детстве, но есть можно.

– Отлично, – потянувшись к пластиковому стакану, обрадовался Эмин. – А ложка есть?

– Да, взял, – бросил Турал, вынимая из рюкзака ложку. – В медиа архиве есть фото, где мы сидим в этом кафе. Там у тебя всё табло испачкано мороженым.

– Точно, там мне года два, а тебе где-то пять, – пробуя пломбир, кивнул Эмин. – Я думал, ты прилетишь в Лос-Анджелес.

– Рейс до Сан-Франциско был раньше, – сказал Турал, забрасывая рюкзак назад, и защёлкнул замок ремня безопасности. – В аэропорту сел в передвижной модуль и доехал быстрее тебя. Ты где тачку взял, в прокате?

– Нет, у родителей однокурсника. Они живут недалеко от аэропорта и одолжили мне до вечера.

– Давай по пути заедем в центр, надо купить цветы, – предложил Турал.

– Я уже взял, – ответил Эмин, – они в багажнике. Нам в городе светиться не к чему. Ты забыл, на каких условиях нас отцы отпустили в Штаты?

– Нет – жить под чужими именами и не появляться в Калифорнии. Теперь по документам мы братья, сыновья советника консула, – усмехнулся Турал. – Ну, ты, Эмин, ещё больший параноик, чем они.

– Второе условие мы уже нарушили, – заявил Эмин, возвращая пустой стакан в подстаканник.

– Да, но есть ещё третье.

– Третье? – заинтересовался Эмин.

– Оно касалось только меня, конкретно он ничего не сказал, но взял с меня слово, что, когда придёт время, я его исполню.

– Ты знаешь, почему нам срочно забронировали билеты? – беспокойно спросил Эмин. – Ночью мы должны быть в аэропорту Нью-Йорка и вылететь домой.

– Не знаю, я тоже, как и ты, – сказал Турал, высматривая автомастерскую, где когда-то работали старшие Аслановы. – Наверное, опять политика. Вечером звонил советник консула и сказал, чтобы через сутки мы были в Нью-Йорке. Я поэтому предложил тебе приехать: боюсь, нас обратно в Штаты уже не пустят, и другой возможности приехать сюда нам не представится.

Безмолвную тишину осеннего кладбища нарушал шелест листвы и гул заоблачных авиалайнеров. Турал стоял у могилы матери, держа в руках цветы. На участке земли, отделённом от остальной территории кладбища кованым ограждением, ничего не изменилось. Все те же три могильные плиты, с детства отпечатанные в сознании, безропотно ждали его последние двадцать два года. Участок вокруг них был ухожен: не было видно ни гниющей листвы, ни растущих сорняков. Эмин платком протирал пыль с чёрных мраморных плит.

Они разложили цветы на могилы матери и деда, затем Турал положил два цветка на безымянную плиту, на которой не было ни надписей, ни QR-кода.

– Знаешь, чья могила? – спросил Эмин.

– Нет, дед купил участок ещё при жизни, наверное, могила кого-то из его родственников.

– Ас-салям алейкум, – послышалось из-за ограды.

У калитки, держась за решётку ограждения, стоял щуплый старик с загорелым продолговатым лицом, одетый в чёрную стёганую куртку с закатанными до локтей рукавами, и держал на плече садовые грабли.

– Здравствуйте, – ответил Эмин.

– Я заметил, вы искали чью-то могилу, но, кажется, уже нашли, – сказал старик, заходя за ограду.

– Да, нашли. Спасибо, – попытался избавиться от любопытного старца Турал.

– Сюда много лет никто не приходил, – прохрипел старик, прислоняя грабли к ограде, – только адвокат приезжает каждый год, читает молитвы из Корана.

– А кто ухаживает за могилами? – спросил Эмин.

– Я ухаживаю, не бесплатно, конечно. Адвокат довольно щедрый человек.

– А почему адвокат, он вам так представился?

– Да, он второй. До него был другой. Лет двадцать назад федералы пригнали сюда экскаватор, хотели вскрыть эту могилу, – старик указал на безымянную плиту. – У них на руках было решение суда об эксгумации. Тогда и появился тот, первый, и не один. Он привёл сюда два десятка мусульман. Здесь такие страсти кипели – настоящий пикет был! Они не позволяли осквернить могилу, дело до драки дошло. Многих арестовали, но за это время сюда ещё больше народу подтянулось. А потом в новостях показывали этого человека. Он оказался адвокатом семьи и добился отмены решения суда, доказав, что могилы находятся на территории частного земельного участка, принадлежащего супруге одного из покойных. Так что у нас в штате закон хорошо охраняет частную собственность.

Эмин с Туралом переглянулись, не решаясь спросить.

– Вижу, что вы не чужие, – сказал старик. – Но я тоже не знаю, кто в этой могиле. Братья, когда заказывали плиту, говорили, что могила старая и имени они не знают. Думаю, адвокат тоже не знает, перед молитвой имени усопшего он не упоминает, хотя это неправильно.

По тропинке вдоль ограды прошла женщина в зелёном плаще, с тёмным платком на голове. Окинув их из-под темных очков оценивающим взглядом, она быстрыми шагами направилась в сторону ворот кладбища.

– Это жена нашего шерифа. Настоящая су... – глядя ей вслед, произнёс старик. – Тут у них сын похоронен.

– А та камера слежения работает? – спросил Турал, указывая на белый столб поблизости.

– Да, её периодически обслуживают.

– Нам пора, спасибо большое, – поблагодарил Турал и торопливо пожал ему руку.

– Рад был поболтать, молодые люди, – не отпуская его руки, ответил пожилой смотритель. – Усопшие – народ необщительный, только слушать умеют. Но им все равно приятно, когда их навещают, – и, посмотрев ему в глаза, добавил: – Я помню твоего отца – у тебя его глаза.

Выйдя за ворота кладбища, они заметили ту же женщину. Она стояла перед их автомобилем и фотографировала номерной знак. Увидев их, она поспешила сесть за руль припаркованного рядом автомобиля. Через мгновение её кроссовер сорвался с места и уехал прочь.

– Лучше нам поторопиться, – сказал Эмин, отмахиваясь от поднявшейся пыли. – Надо вернуть машину и успеть на рейс до Нью-Йорка.

Не теряя времени, они запрыгнули в авто, покинув парковку через двадцать минут выехали на автостраду. Хмурый небосклон затянулся ширмой сумеречного полога из серо-свинцовых туч. С неба выбрасывая на стекло мелкие бисеринки, посыпалась морось.

Эмин остановился на заправке, Турал, выходя, спросил:

– Тебе в магазине что взять?

– Холодный чай, – бросил Эмин.

Минут через десять Турал вернулся с пакетом бутылок. Отъезжая от заправки, Эмин спросил:

– Что так долго?

– Просто, – оглядываясь назад, бросил Турал. – Там один покупатель на меня уставился, как будто привидение увидел. Я у него спросил, всё ли с ним в порядке, а он отпрянул от меня как от прокажённого.

– Может, сумасшедший? – предположил Эмин.

– Да нет, по виду не скажешь, выглядел прилично. Не нравится мне это, и та женщина на кладбище тоже странная.

– Помнится, пару часов назад ты меня параноиком называл, – усмехнулся Эмин. – А что теперь с тобой?

– Не знаю, в нашей семье достаточно тайн. Почему, когда мы были детьми, они сбежали из Калифорнии? Я уверен, это из-за Аббаса. Иногда меня пугает его осведомлённость. В прошлом году, когда приезжал домой, я с ним виделся, мы беседовали о моей учёбе. Знаешь, что до меня дошло после разговора с ним? Он назвал одного из моих преподавателей Тутанхамом. Это прозвище, которым его называют на факультете. Хотя я точно помню, что при Аббасе никогда так его не называл.

– О твоём отце ходят разные слухи, – вздохнул Эмин. – Со мною учится наш земляк. Его отец работает в Национальной академии наук. Он рассказал мне о бородатом человеке, который появился в кругу академиков много лет назад неизвестно откуда. Из его слов я понял, что он говорил о дяде Аббасе. Академики ему тоже дали прозвище – Фантомас. Ты в курсе, что концерн построил в Кусарах закрытый город?

– Да, знаю, Азгур, – кивнул Турал. – И что?

– В этом городе работают в основном контрактники, и большинство из них иностранные специалисты, – продолжил Эмин. – Проблема в том, что они и сами не имеют понятия, над чем конкретно работают. Занимаются периферийными исследованиями, но цели применения их работ неизвестны. Конструкторам дают задание спроектировать узлы непонятных агрегатов с конкретными техническими характеристиками. Научные группы не имеют прямого контакта между собой, и их разработки засекречены.

Внезапно рядом с ними на левой полосе трассы появился чёрный внедорожник. Несясь на большой скорости и включив сирену, он стал прижимать их к обочине, пытаясь остановить. Эмин не задумываясь, ударил по тормозам и, пропустив внедорожник вперёд, выругался. Затем, объехав слева, разогнался, раздосадовано сказав:

– Не родился человек, который меня подрежет! Наши проблемы начались: неспроста нам запрещали сюда приезжать.

Лавируя в плотном потоке транспорта, им удалось ненадолго оторваться. Но мощный автомобиль федералов, рыская меж рядов, их медленно настигал.

– Что ты делаешь? – вспыхнул Турал. – Не глупи, мы не преступники. Максимум, что нам грозит, – это высылка из страны.

Преследователи, догнав их, применили опасный манёвр – сильный удар пришёлся по левому заднему крылу. На мокром асфальте их машину развернуло и снесло к разделительному ограждению. Со скрежетом отирая бетонный отбойник, они ехали лицом к лицу с преследователями. Свет ксеноновых фар слепил глаза. Эмин не раздумывая развернул машину

с визгом колёс «ай-мама», и едва не столкнулся с автомобилями, проносившимися по соседней полосе. Проехав два десятка метров, заметил съезд в кювет и нырнул туда. Продолжительный гудок раздался позади, за ним последовал грохот удара.

Разметая влажную почву из-под колёс, автомобиль выбрался на просёлочную дорогу.

– Говоришь, не преступники? – разозлился Эмин. – Они готовы были нас убить, лишь бы остановить любой ценой!

– Куда ты едешь? Заблудимся, – вздохнул Турал.

– Доверься мне, – бросил Эмин. – Кто тебя нашёл, когда ты на сафари потерялся между трёх дюн? Эта дорога нас выведет на соседнюю автостраду, – и, всматриваясь в зеркало заднего вида, вздохнул:

– Кажется, оторвались.

– В машине должен быть GPS-маяк, нужно его отключить, – предложил Турал.

– Нет смысла, – возразил Эмин. – На трассе полно камер наблюдения, нас найдут по номерам. А снять их мы тоже не можем: без чипа на номере сразу засветимся. Машину придётся бросить у автострады, а до аэропорта доберёмся автостопом. Я потом позвоню отцу однокурсника и всё объясню.

– На скоростном шоссе нас никто не подберёт, – сказал Турал. – Нужно попросить местных. Заплатим им, чтобы нас подбросили до аэропорта. Надеюсь, федералы ищут только автомобиль и наших имён пока не знают.

На развилке они свернули на едва заметную грунтовую дорогу, ведущую к холмистому лесу. Дорога, петляя, изгибалась по склону, заросшему молодыми соснами, затем карабкалась вверх вдоль низких кустарников. Они поднялись почти на вершину, когда автомобиль внезапно застопорилось – интерфейс приборной панели потух. Эмин пытался включить питание, но транспорт признаков жизни не подавал.

– Что-то с электроникой, – открывая дверь, выдохнул Эмин и ринулся поднимать капот.

Турал проверял предохранители, когда кузен, положив на его плечо руку, воскликнул:

– Смотри наверх!

На высоте двадцати метров над их головами завис сферической формы объект. Шар металлического цвета, с полупрозрачной оболочкой, медленно опускался на них. В глазах начало темнеть, реальность расплылась как желе. Это было последнее, что они запомнили, перед тем как без сознания свалиться на землю.

* * *

Три дня спустя в одном из кабинетов белого здания округа Колумбия было созвано совещание Совета национальной безопасности. На заседании межведомственного комитета председательствовал советник президента по национальной безопасности Ален Хьюз. Также присутствовали государственный секретарь, директора Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований, председатель комитета начальников штабов, министр обороны и министр финансов. Был приглашён директор управления по разработке политики в области науки и технологий.

Сидя за столом из красного дерева, к собравшимся членам комитета обратился советник президента:

– Господа, как вы знаете, вице-президент сейчас на лечении, а президент с официальным визитом находится в Восточной Азии. Он поручил созвать антикризисное совещание комитета и ожидает от нас разработки курса по отношению к стране, считавшейся нашим стратегическим партнёром на протяжении многих лет. Речь пойдёт о технологическом рывке, начавшемся там два десятилетия назад, и о людях, стоящих за этим.

– Слово вам, Робинсон, – Ален кивнул в сторону директора Центральной разведки.

– Спасибо, мистер Хьюз, – начал Ричард Робинсон, открывая перед собой папку с документами. – Для тех, кто не участвовал в прошлом совещании, я вкратце зачитаю несколько фактов из предыдущего доклада и дополню их новыми сведениями.

Двадцать лет назад в республике Азербайджан был основан энергетический концерн ISA. Основной деятельностью концерна является строительство и эксплуатация термоядерных электростанций в промышленно развивающихся странах. На фоне повышения углеродного налога проекты этого концерна пользуются повышенным спросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.